

ЗВЕЗДЫ МИРОВОГО ДЕТЕКТИВА

КЕЙТ АТКИНСОН

ЖДАТЬ ЛИ ДОБРЫХ ВЕСТЕЙ?

ЛУЧШИЙ ДЕТЕКТИВНЫЙ ПРОЕКТ ДЕСЯТИЛЕТИЯ.
КНИГИ ИЗ ТЕХ, ЧТО СУЕШЬ ЛЮДЯМ В РУКИ СО СЛОВАМИ:
«ТЫ ПРОСТО ОБЯЗАН ЭТО ПРОЧЕСТЬ!»

18+

Стивен Кинг

ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЗБУКА»

Кейт Аткинсон

Ждать ли добрых вестей?

Серия «Джексон Броуди», книга 3

Серия «Звезды мирового детектива»

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=55326465

Ждать ли добрых вестей?: роман / Кейт Аткинсон: Азбука, Азбука-

Амтикус; СПб.; 2020

ISBN 978-5-389-18255-4

Аннотация

В высшую лигу современной литературы Кейт Аткинсон попала с первой же попытки: ее дебютный роман «Музей моих тайн» получил престижную Уитбредовскую премию, обойдя «Прощальный вздох мавра» Салмана Рушди, а цикл романов о частном детективе Джексоне Броуди, успевший полюбить и российский читатель («Преступления прошлого», «Поворот к лучшему», «Ждать ли добрых вестей?», «Чуть свет, с собакою вдвоем»), Стивен Кинг окрестил «главным детективным проектом десятилетия». Суммарный тираж цикла превысил три миллиона экземпляров, а на основе первых его книг телеканал Би-би-си выпустил сериал «Преступления прошлого» с Джексоном Айзексом в главной роли.

В романе «Ждать ли добрых вестей?» действие происходит не в университетском Кембридже и не среди толп туристов, съехавшихся на Эдинбургский фестиваль, хотя шотландская столица вновь обеспечивает живописный фон происходящим событиям. А толчком к ним послужило кошмарное преступление тридцатилетней давности, всколыхнувшее тихий Девоншир и всю Англию; и вот осужденный убийца, отсидев положенное, выходит на свободу. Тем временем пропадает без вести доктор Траппер с маленьким ребенком – однако ее исчезновение тревожит, судя по всему, только ее овчарку Сейди и шестнадцатилетнюю бебиситтершу Реджи. А старший детектив-инспектор Луиза Монро озабочена другой пропажей – еще не зная, что Джексон Броуди вот-вот опять ворвется в ее жизнь, причем на всех парах (в буквальном смысле).

[i]Внимание! Содержит ненормативную лексику![/i]

Содержание

I		11
	Урожай	11
II		24
	Плоть и кровь	24
	Жизнь и похождения Реджи Дич, правдивое повествование об удачах, неудачах, взлетах, падениях и полной истории семейства Дич	32
	Ad Augusta per Angusta[36]	75
	Сама купит цветы[43]	87
	Убежище	109
	На Ужасный мост взойдешь[54]	119
	Конец ознакомительного фрагмента.	126

Кейт Аткинсон

Ждать ли добрых вестей?

Kate Atkinson

When Will There Be Good News?

Copyright © 2008 by Kate Atkinson

© А. Б. Грызунова, перевод, 2011

© Издание на русском языке, оформление. ООО
«Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2020

Издательство АЗБУКА®

Лучший детективный проект десятилетия... Книги из тех, что суешь людям в руки со словами: «Ты просто обязан это прочесть!»

Стивен Кинг

Если кто-нибудь скажет вам, что детективы теперь умеют писать только скандинавы, а прежние «хозяева дискурса», британцы, давно выдохлись и механически воспроизводят жанровые клише пятидесятилетней давности, просто назовите ему эту фамилию – Аткинсон, и на этом разговор закончится. Рассказывая об этой 60-летней женщине, трудно удержаться от восточноевропейской непосредственности – да ведь она прямо-таки мегазвезда, Агата Кристи на стероидах, умная, как черт, и остроумная, как тысяча чертей.

Замечательно прописанные герои, на которых навешаны камеры слежения; сцена за сценой –

невероятно динамичные; здесь все не то, чем кажется, все ненадежно, никому нельзя верить; единственное, что неизменно, – это война против клише, литературных и житейских, с первой до последней страницы. Словом, это нечто удивительное...

Лев Данилкин (Афиша)

Кейт Аткинсон – настоящее чудо.

Гиллиан Флинн

Столь непринужденному сочетанию комичного и трагичного мог бы позавидовать сам Диккенс – разве что сюжет у Аткинсон выстроен даже хитроумнее.

Хилари Мантел

Талант у Кейт Аткинсон поистине безграничный.

Маргарет Форстер

Кейт Аткинсон – поразительный мастер. Она произвела революцию в жанре детектива...

Мэтт Хейл

Кейт Аткинсон – обязательное чтение. Я обожаю все, что она пишет.

Харлан Кобен

Кейт Аткинсон – из тех редчайших авторов, кто без малейших усилий смыкает разрыв между настоящей литературой и коммерческой прозой.

Фэй Уэлдон (Sunday Express)

Приключения Джексона Броуди в равной степени привлекают и мужскую, и женскую аудиторию – только лучшие детективы могут этим похвастать.

The Times

Наконец-то Джексон Броуди вернулся в этой блестящей драме о природе судьбы, любви и памяти. Однозначно книга месяца.

Marie Claire

Вышла новая книга о Джексоне Броуди – и вправду добрая весть. А вот весть еще добрее: этот роман – лучший из трех.

Mirror

Каждую новую книгу Аткинсон ждешь, как Рождества: никто другой из наших современных писателей не способен так виртуозно балансировать на грани между серьезным и увлекательным, комичным и трагичным.

Sunday Telegraph

Один из самых блестящих, остроумных авторов нашего времени.

The Scotsman

По литературному мастерству, по яркости и глубине психологических описаний Кейт Аткинсон сегодня нет равных.

Evening Standard

Кейт Аткинсон умеет быть загадочной и смешной, поднимая этот свой дар в каждом новом романе до заоблачных высот.

Sunday Tribune

Как это у нее получается? Аткинсон заставляет читателя то хохотать навзрыд, то рыдать в голос — иногда в пределах одной и той же фразы. Выдающийся триумф, неудержимая радость!

The Boston Sunday Globe

Просто невероятно, насколько книги Кейт Аткинсон полны радости жизни, притом что смерть в них отнюдь не редкая гостья. Безудержная энергия пронизывает ее романы от первой до последней страницы, сплавляя воедино прошлое и настоящее...

Guardian

Литературная карьера англичанки Кейт Аткинсон вычертила довольно необычный зигзаг: начав с «просто романов», писательница переместилась в нишу детектива, добилась там колоссального успеха, а затем, не моргнув глазом, вновь вернулась к «просто романам».

Галина Юзефович

Если первые две книги были отличными, то третья вообще восторг на ножках. Поперек всех правил, между прочим... К третьей книге Аткинсон совсем отпускает женское свое нутро пастись на воле — и благодарный

читатель наконец-то окончательно убеждается в том, что мужики в лучшем случае бестолочь лоховская, а в основном – опасные тряпки. А спасти семью, сохранить рассудок близким или рубануть все узлы одним ударом карандаша в глазницу может только женщина – умная, утомленная и вообще-то добрейшая... А связанный залп всех-всех-всех ниточек, волосков и ружей, разбросанных в ходе действия по стенам и углам, выглядит чарующим и снайперским бонусом.

Шамиль Идиатуллин

*Дейву и Морин – спасибо за все хорошее, а лучшее
еще впереди*

Этих людей я должна поблагодарить за помощь и консультации

(простите, если ваши сведения исказились, попав ко мне):

Мартин Олд, Малькольм Диксон (помощник инспектора полиции Шотландии),

Расселл Экви, детектив-суперинтендант Малькольм Грейм (полиция Лотиана и Шотландских Границ),

мой родственник майор Майкл Кич, д-р Даг Лайл, детектив-суперинтендант Крейг Нейлор (полиция Лотиана и Шотландских Границ),

Брэдли Роуз, детектив-суперинтендант Эдди Томпсон (Столичная полиция),

доктор Энтони Тофт;

и наконец – последним, что не умаляет его важности, –

я благодарю моего двоюродного брата Тимоти Эдвардса за название романа.

С географией Уэнслидейла и Юго-Западного Эдинбурга я обращалась немножко вольно и за точностью особо не гонялась.

Извините – право художника и все такое.

Я в жизни не видала, чтобы в поле Мидмара паслись лошади, но это ведь не значит, что их там не может быть.

Мы, уходя, не знаем, что уходим,
Острим – и за порог;
Дверь на замок – теперь мы больше
Не потревожим Рок.

Эмили Дикинсон

I

В прошлом

Урожай

Жар от гудрона как будто застрял меж густых изгородей – они возвышались над головами, точно крепостные стены.

– Давит, – сказала мать; они тоже как будто застряли. – Как лабиринт в Хэмптон-Корт¹, – сказала она. – Помните?

– Да, – сказала Джессика.

– Нет, – сказала Джоанна.

– Ты совсем маленькая была, – сказала мать Джоанне. – Как Джозеф.

Джессике было восемь, Джоанне шесть.

Дорожка (они называли ее «переулок») извивалась туда-сюда – не разглядишь, что там впереди. Приходилось держать собаку на поводке и жаться к изгородям – а то «вдруг появится» машина. Джессика была старшая, и собачий поводок всякий раз доставался ей. Она только и делала, что

---

¹ Хэмптон-Корт – королевский дворец в лондонском предместье Ричмонд-на-Темзе, загородная резиденция английских королей в 1529–1760 гг., с 1838 г. открыт для публики. Лабиринт в Хэмптон-Корт был создан в 1690-х гг. по заказу Вильгельма III, принца Оранского. – *Здесь и далее прим. перев. Переводчик благодарит за поддержку Бориса Грызунова.*

дрессировала собаку – «К ноге!», и «Сидеть!», и «Ко мне!». Мать говорила, не мешало бы Джессике поучиться у собаки послушанию. Джессика вечно была за главную. Мать говорила Джоанне: «Неплохо бы думать самой. Умей постоять за себя, своей головой думай», но своей головой Джоанна думать не хотела.

Автобус ссадил их на шоссе и поехал себе дальше. Выйти из автобуса всем семейством – ужас какая «морочка». Мать держала Джозефа под мышкой, как сверток с покупками, а другой рукой с трудом раскладывала навороченную коляску. Джессика и Джоанна сообща выволакивали из автобуса покупки. Пес справлялся сам.

– Никто никогда не помогает, – сказала мать. – Замечаете? Они замечали.

– Блядская сельская идиллия, спасибо вашему папочке, – сказала мать, когда автобус отбыл в голубых дымах выхлопа и жара. – И не смейте материться, – машинально прибавила она. – Материться можно только мне.

Машины у них больше не было. В ней уехал отец («ублюдок»). Отец писал книги, «романы». Однажды снял книжку с полки и показал Джоанне, ткнул в свою фотографию на задней обложке и сказал:

– Это я, – но прочесть не разрешил, хотя Джоанна уже хорошо умела. («Не сейчас, попозже. Боюсь, я пишу для взрослых, – засмеялся он. – Там есть такое, ну...»)

Их отца звали Говард Мейсон, а мать – Габриэлла. Ино-

гда люди радовались, улыбались отцу, уточняли: «Тот самый Говард Мейсон?» (А иногда, без улыбки: «Этот Говард Мейсон», – это значило другое, но Джоанна не очень понимала, в чем разница.)

Мать говорила, что отец выдернул их с корнем и пересадил «в какую-то глушь».

– Точнее, в Девон, под каковым именем эта глушь обычно фигурирует, – отвечал отец. Он говорил, что ему нужно «пространство для творчества», а им всем полезно «пообщаться с природой». – Никакого телевизора! – сказал он, как будто их порадовать хотел.

Джоанна по-прежнему скучала по школе, по друзьям, по «Чудо-женщине»² и по дому на улице, где можно дойти до лавки, купить «Потеху»³, и лакричную палочку, и яблоки, которые бывают трех сортов, а не тащиться по переулку, потом по дороге, потом на двух автобусах, а потом все то же самое, только наоборот.

Переехав в Девон, отец первым делом купил шесть рыжих кур и целый улей пчел. Всю осень копался в огороде перед домом – «готовился к весне». После дождя огород превращался в сплошную слякоть, и она заползала в дом – даже на простыни. Пришла зима, лиса пожрала кур, которые так и не

---

² «Чудо-женщина» (*Wonder Woman*, с 1941 г.) – серия комиксов компании «DC Comics»; создатель персонажа и автор первых выпусков – психолог и изобретатель феминист Чарлз Моултон (Уильям Моултон Марстон, 1893–1947).

³ «Потеха» (*The Beano*, с 1938 г.) – журнал детских комиксов компании «D. C. Thomson & Co».

снесли ни яичка, а все пчелы померзли, что вообще неслышанно, сказал их отец, а потом прибавил, что все это впишет в свою книгу («роман»).

– Ну, значит, не зря мы страдали, – сказала мать.

Отец писал за кухонным столом, потому что хоть чуточку тепло было только в кухне – спасибо гигантской и темпераментной плите «Ага», которая, говорила мать, «ее в гроб загонит».

– Жду не дождусь, – бормотал отец. (С книгой у него не ладилось.)

Отец всеми помыкал, даже матерью.

– От тебя сажей несет, – говорил ей отец. – А еще капустой и молоком.

– А от тебя неудачей, – отвечала мать.

Раньше она пахла интересно – краской, скипидаром, табак, духами «Je Reviens», которые отец покупал ей еще в те времена, когда она была семнадцатилетней «католической школьницей»; они означали «я вернусь» – это было ей послание. Отец говорил, что мать была «красоткой», а мать говорила, что «художницей», но с тех пор, как они переехали в Девон, она ни разу не рисовала.

– Два творческих таланта в один брак не влезут, – говорила она эдак по-своему, воздев брови и вдыхая дым сигарилл.

Она их называла «сигарийи», как иностранка. В детстве она много где побывала и когда-нибудь отвезет туда детей. У нее горячая кровь, говорила мать, не то что у отца – он во-

обще рептилия. Мать была умная, и смешная, и умела удивлять, и совсем не походила на других матерей.

– Экзотическая, – говорил их отец.

Спор о том, кто чем пахнет, по всей видимости, еще не закончился, потому что мать схватила с серванта бело-синий полосатый кувшин и метнула в отца. Отец сидел за столом и глядел на пишмашинку, как будто слова напишутся сами, если потерпеть. Кувшин ударил его в висок, и отец взревел от боли и неожиданности. Джессика выдернула Джозефа из детского стульчика – стремительно, Джоанне оставалось только восхищаться, – и сказала Джоанне:

– Пошли.

И они пошли наверх и стали щекотать Джозефа на двуспальной кровати, где обе и ночевали. В спальне не топили, и кровать была завалена стегаными одеялами и старыми материнскими пальто. В конце концов все трое уснули, устроившись в запахах сырости, нафталина и «Je Reviens».

Проснувшись, Джоанна увидела, что Джессика сидит, опираясь на подушки, в перчатках, мохнатых наушниках и в пальто, как будто в палатке. Джессика читала, светя в книжку фонариком.

– Электричество вырубili, – пояснила она, не отводя глаз от книжки.

За стеной слышалось ужасное звериное сопенье – значит, родители опять помирились. Джессика молча протянула Джоанне наушники, чтоб сестре не пришлось слушать.

Когда наконец наступила весна, отец не стал разводить огород, а уехал в Лондон и поселился со «своей другой женщиной», сильно удивив Джоанну и Джессику, но, видимо, ни капли не удивив их мать. Другую женщину отца звали Мартина – *поэтесса*; мать выплевывала это слово как проклятие. Она обзывала другую женщину (*поэтессу*) такими словами, что, когда сестры набирались храбрости шептать их друг другу под одеялом (*сука-пизда-иллюха-поэтесса*), слова отравляли самый воздух.

Теперь в браке мать осталась одна, но все равно не рисовала.

Они шагали по переулку гуськом – «как индейцы», сказала мать. Полиэтиленовые пакеты висели на ручках коляски, и, если мать отпускала ручки, коляска заваливалась назад.

– Мы прямо вылитые беженцы, – сказала мать. – Однако мы не падаем духом, – бодро прибавила она.

К концу лета – «как раз к школе» – они переедут в город. – Слава тебе господи, – сказала Джессика, совсем как мать.

Джозеф спал в коляске, открыв рот, и в груди у него похрипывало – простудился, никак не оклемается. Он так вспотел, что мать раздела его до подгузника, и Джессика обдувала Джозефу ребрышки, чтоб остыл, а мать сказала:

– Только не разбуди.

Попахивало навозом и подгнившей травой, а от запаха бу-

тень Джоанна расчихалась.

– Не повезло, – сказала мать. – Мои аллергии достались тебе.

Материны темные волосы и бледная кожа достались «красавчику» Джозефу, зеленые глаза и «руки художницы» – Джессике. Джоанне отошли аллергии. Не повезло. У Джозефа с матерью и день рождения один, – правда, у Джозефа еще не было дней рождения. Через неделю будет первый.

– Это особенный день рождения, – сказала мать; а Джоанна думала, все дни рождения особенные.

Мать надела любимое Джоаннино платье, голубое с красными клубничинами. Мать говорила, оно старое и следующим летом она его раскроит и, если Джоанна захочет, сошьет ей что-нибудь. Джоанна видела, как движутся мускулы материных загорелых ног – мать толкала коляску в горку. Мать была сильная. «Яростная», – говорил отец. Джоанне нравилось это слово. Джессика тоже была яростная. А Джозеф пока никакой. Младенец и младенец, толстый и довольный. Джозефу нравились овсянка, и банановое пюре, и бумажные птицы над кроватью – мобиль, который смастерила мать. Джозефу нравилось, когда сестры его щекочут. Сестры ему тоже нравились.

У Джоанны по спине тек пот. Поношенное ситцевое платье липло к коже. Платье досталось от Джессики.

– Честная бедность, – смеялась мать.

Когда она смеялась, крупный рот у нее становился как пе-

ревернутый месяц – даже если она счастлива, ни за что не догадаешься. Все, что было у Джоанны, досталось ей от Джессики. Как будто без Джессики не было бы никакой Джоанны. Джоанна заполняла пустоты, которые оставляла за собой Джессика.

За изгородью замычала невидимая корова, и Джоанна подскочила.

– Просто корова, – сказала мать.

– Красные девонские, – сказала Джессика, хотя коров не видела.

Откуда она знает? Она всегда знает, как что называется, видимое и невидимое. А Джоанна – она будет когда-нибудь столько знать?

Сначала идешь по переулку, а потом в деревянные ворота с перелазом. Через перелаз коляску не протащишь – приходится открывать ворота. Джессика спустила собаку с поводка, и пес вскарабкался на ворота и перемахнул на ту сторону, как его Джессика научила. Табличка гласила: «Пожалуйста, закрывайте ворота за собой». Джессика всегда убегала вперед и отодвигала запор, а потом они с Джоанной толкали ворота и качались. Мать тягала и пихала коляску: зимняя слякоть высохла и колеса застревали в колдобинах. Чтобы закрыть ворота, сестры тоже качались. Джессика проверяла запор. Иногда они висели на воротах вниз головой, и их волосы доставали до самой земли, точно метлы, и мать говорила:

– Перестаньте.

Тропа шла по кромке поля.

– Пшеница, – сказала Джессика.

Пшеница была высокая, но не такая, как изгороди в переулке.

– Скоро будут собирать урожай, – сказала мать. – Жать пшеницу, – прибавила она специально для Джоанны. – А мы с тобой будем чихать и хрипеть.

Джоанна уже хрипела – в груди свистел воздух.

Пес ринулся в поле и пропал. Секунда – и он опять выпрыгнул из пшеницы. На той неделе Джоанна побежала за ним, заблудилась в поле, и ее очень долго никто не мог найти. Она слышала, как ее зовут и уходят все дальше. Никто не слышал, как она отвечала. Разыскал ее пес.

На полдороге они остановились в тени деревьев у тропинки, сели на траву. Мать сняла пакеты с коляски и достала апельсиновый сок и коробку шоколадного печенья. Сок был теплый, а шоколадное печенье слиплось. Они дали печенье собаке. Мать засмеялась – перевернулся рот – и сказала:

– Господи, ну и бардак, – заглянула в сумку с детскими причиндалами, нашла чем вытереть сестрам руки и губы, вымазанные шоколадом.

В Лондоне они устраивали настоящие пикники, грузили в багажник большую плетеную корзину, доставшуюся матери от матери, которая была богатая, но уже умерла (хотя оно, видимо, и к лучшему, потому что ей не довелось увидеть, как

ее единственная дочь выходит замуж за эгоистичного похотливого бездельника). Если бабушка была богатая, почему же у них нету денег?

– Я сбежала, – объяснила мать. – Улизнула, чтоб выйти замуж за вашего отца. Очень романтично. Было. Ни гроша за душой.

– Зато у тебя была корзинка для пикников, – отметила Джессика, а мать засмеялась:

– Знаешь, иногда ты ужасно смешная.

И Джессика ответила:

– Знаю.

Проснулся Джозеф, и мать его покормила, расстегнув спешке клубничное платье. Джозеф так и уснул, присосавшись.

– Бедный ягненок, – сказала мать. – Из простуды никак не выкарабкается. – Она положила его в коляску и прибавила: – Так. Пошли домой. Включим садовый шланг, и вы освежитесь.

Он возник как будто из ниоткуда. Они его заметили, потому что собака зарычала, странно забулькала горлом, – Джанна никогда не слышала, чтобы пес так говорил.

Он шел к ним очень быстро, становился все больше. И эдак смешно сопел и отдувался. Скорее всего, пройдет мимо и скажет: «Добрый день» – или там: «Привет» – люди всегда так говорят, если встречаешь их в переулке или на тропе. Мать к ним обращалась: «Чудесный денек» – или там:

«Жарко сегодня, а?» – но этому человеку ничего не сказала. Зашагала быстро, изо всех сил толкая коляску. Покупки остались на траве, и Джоанна хотела поднять один пакет, но мать сказала:

– Оставь.

Что-то в голосе ее, в ее лице испугало Джоанну. Джессика схватила сестру за руку и сказала:

– Быстрей, – резко, по-взрослому.

Джоанна вспомнила, как мать швырнула в отца бело-синий полосатый кувшин.

Человек шел теперь туда же, куда они, рядом с матерью. Мать шагала очень быстро и твердила им:

– Скорее, скорее же, не отставайте. – Она словно задыхалась.

Потом пес кинулся человеку наперерез, залаял, запрыгал, словно пытался преградить ему дорогу. И внезапно человек пнул пса, и тот взлетел и приземлился где-то в пшенице. Им не было видно, но они слышали ужасный скулеж. Джессика встала перед человеком и что-то закричала, тыча пальцем, ловя ртом воздух, как будто не могла дышать, а потом помчалась в поле за собакой.

Дело было плохо. Спору нет.

Джоанна всматривалась в пшеницу, пытаясь разглядеть, куда подевались Джессика и собака, и не сразу заметила, что мать дерется с этим человеком, бьет его кулаками. Но у чело-

века был нож, человек все время его поднимал, и нож вспыхивал серебром под жарким солнцем. Мать закричала. Все лицо в крови, и руки, и сильные ноги, и клубничное платье. И тут Джоанна сообразила, что мать кричит не на человека, мать кричит на нее.

Мать зарезали тут же – большой серебряный нож вонзился ей в сердце, точно мясницкий тесак в коровью тушу. Матери было тридцать шесть лет.

Видимо, этот человек и Джессику успел пырнуть, потому что за ней тянулся кровавый след, тропка, что привела их к ней, но не сразу, потому что сначала пшеничное поле укрыло ее золотым одеялом. Она лежала, обняв тело пса, их кровь перемешалась и утекла в сухую землю, питая зерно, – жертвоприношение урожаю. Джозеф умер на месте, пристегнутый к коляске. Джоанне хотелось думать, что он так и не проснулся, но она не знала наверняка.

А Джоанна... Мать закричала на нее, и Джоанна послушалась.

– Беги, Джоанна, беги! – закричала мать, и Джоанна побежала в поле и заблудилась в пшенице.

Потом, когда уже стемнело, ее нашли другие собаки. Незнакомый человек взял ее на руки и унес.

– Ни царапинки, – услышала она; над головой в холодном черном небе ослепительно сияли луна и звезды.

Надо было, конечно, схватить Джозефа, выдернуть его из коляски или побежать с коляской (Джессика бы так и поступила). И не важно, что Джоанне было всего шесть лет, что с коляской она бы недалеко убежала, что тот человек поймал бы ее за три секунды, – не в этом дело. Лучше попытаться спасти малыша и погибнуть, чем не попытаться и выжить. Лучше умереть вместе с Джессикой и матерью, чем остаться без них. Но она об этом не подумала – она просто сделала, что велели.

– Беги, Джоанна, беги! – велела мать; и Джоанна побежала.

Странно: теперь, тридцать лет спустя, больше всего ее бесило, что она забыла, как звали собаку. А спросить уже неко-го.

II Сегодня

Плоть и кровь

Лужок тянулся по всей деревне, и его рассекала узкая дорога. На лужок смотрела начальная школа. Лужок был не квадратный, как он воображал, и пруда с утками там тоже не нашлось. Одно, казалось бы, графство – надо бы знать окрестности, но нет, Китсовы чужие поля⁴. Йоркширские долины он знал понаслышке, из телевизора и кино, – то «Эммердейл»⁵ мелькнет, то случится полуобморочная ночь на диване под «Девушек с календаря»⁶ по кабельному.

Тихо сегодня – среда, утро, начало декабря. Посреди лужка воздвигли рождественскую елку, но она пребывала пер-

---

⁴ Аллюзия на «Оду соловью» (1819) английского поэта Джона Китса (1795–1821). Пер. Е. Витковского.

⁵ «Эммердейл» (*Emmerdale*) – долгоиграющая (с 1972 г. по сей день) британская мыльная опера о жизни одноименной деревни в Западном Йоркшире.

⁶ «Девушки с календаря» (*Calendar Girls*, 2003) – фильм британского режиссера Найджела Коула, основанный на подлинной истории нескольких жительниц йоркширского городка: чтобы собрать деньги на исследования лейкемии, дамы не первой молодости выпустили календарь, для которого снимались обнаженными в домашней обстановке.

возданно голой – ни игрушек, ни огней.

В последний (он же первый) раз он заезжал присмотреться к деревне в воскресенье после обеда, в разгар лета, и все здесь гудело: туристы пировали на траве, вокруг носились малыши, старики посиживали на лавочках, и все поголовно лизали мороженое. На краю лужка была какая-то песочница, где люди – местные, не туристы, – играли в некое подобие серсо – метали большие кованые кольца, тяжелые, как лошадиные подковы. Он и не думал, что люди еще так чудят. Вот ведь нелепица. Чистое средневековье. На лужке у креста рыночной площади до сих пор стоял позорный столб и, как сообщал путеводитель, располагалось «бычье кольцо». Он припомнил одноименный торговый центр в Бирмингеме, но потом прочел дальше: оказалось, у бычьего кольца собаками травили быков⁷. Он решил (понадеялся), что позорный столб и кольцо – истории ради, для туристов, и больше не используются. Люди ехали в деревню на машинах – погулять и отдохнуть. Он-то нет. Он где стоит, оттуда и гуляет.

Он спрятался за номером «Дарлингтон энд Стоктон таймс», прочел рекламу похоронных бюро, малярных работ и подержанных машин. Центральная газета была бы подозрительнее, хотя и эту, местную, он купил в Хозе, а не в деревенской лавке – зачем лишний раз привлекать к себе вни-

---

⁷ У названия торгового центра «Бычье кольцо» (*Bull Ring*) в Бирмингеме та же этимология: оно происходит от железного кольца на рыночной площади – к нему привязывали быков, которых травили собаками перед забоем.

мание? У местных радар настроен на левых чужаков. Наверняка что ни лето – плетеного человека жгут⁸.

В прошлый раз у него была роскошная тачка; сейчас он замаскировался получше, приехал на заляпанном грязью «дискавери» из проката, надел горные ботинки и куртку «Нортфейс» на флисе, а на шею повесил карту Картографического управления в пластиковом чехле, тоже купленную в Хозе. Он бы и собаку взял, если б их давали напрокат, и тогда стал бы копией любого другого туриста. Как это так – негде арендовать собаку? Вот такая ниша на рынке пустует.

Он приехал на прокатной машине со станции. Он бы ехал в собственной роскошной тачке всю дорогу, но когда сел и повернул зажигание, обнаружилось, что машина не подает признаков жизни. Поломалось что-то непостижимое – наверное, электроника, решил он. Теперь в гараже Уолтэмстоу машину выхаживал поляк по имени Эмиль, у которого был доступ (какой славный эвфемизм) к подлинным запчастям «БМВ» вдвое дешевле, чем у официальных поставщиков.

Он глянул на часы – золотой «Брайтлинг», дорогой подарок. Время высшей марки. Ему нравились мужские примоч-

---

⁸ В традиционной практике кельтских язычников большую плетеную клетку в виде человека сжигали в качестве жертвоприношения богам (древние друиды запирали внутри человеческую жертву; современные неоязычники от жертв воздерживаются). В 1973 г. британский режиссер Робин Харди снял фильм ужасов «Плетеный человек» (*The Wicker Man*) с Эдвардом Вудвардом в главной роли, а в 2006 г. американский режиссер Нил Лабыют поставил римейк, в котором главную роль сыграл Николас Кейдж.

ки — машины, ножи, гаджеты, часы, — но вряд ли он потратил бы на часы столько денег.

«Дареному коню в зубы не смотрят», — улыбнулась она, когда их вручала.

— Да что ж такое, ну скорей же, — пробормотал он и боднул руль — легонько, не хватало еще, чтоб заоборачивались прохожие.

Маскировка — это да, но он понимал: если долго ошиваться в крошечной деревне, рано или поздно кто-нибудь начнет любопытствовать. Он вздохнул и посмотрел на часы. Подождем еще десять минут.

Через девять минут и тридцать секунд (он считал — а чем еще заняться? Только стоять при часах на часах) из школы выбежал авангард — два мальчика, две девочки. Они притащили сетки и блестяще отработанным маневром возвели на лужке футбольные ворота. Видимо, лужок был школе вместо игровой площадки. Каково учиться в такой школе, он и представить себе не мог. Его-то «началка» была выгребной ямой — денег слишком мало, народу слишком много, и куда ни плюнь цвел социальный дарвинизм. Выживание быстрее-шего. И это еще были плюсы образования. Настоящее образование, когда он взаправду сидел в классе и чему-то учился, ему обеспечила армия.

Ручеек детей в физкультурной форме вытек из школы и речной дельтой разлился по лужку. Потом вышли два учителя, стали раздавать футбольные мячи из корзины. Он считал

детей, пока они выходили, – двадцать семь. Самые маленькие вышли последними.

Потом появились дошколята – их-то он и ждал. По средам и пятницам они занимались в пристройке на задах школы. Натан, едва ли не самый крошечный, ковылял вместе со всеми, держась за руку девочки много старше его. Натан. Отнюдь не титан. Его упаковали в какой-то комбинезон «все в одном». Темные глаза, черные кудряшки – достались от матери, тут возразить нечего. Курносый носик. Порядок – матери Натана нет, уехала к сестре, у которой рак груди. Его здесь никто не знает. Чужак в чужой стране. Мистера Футы-Нуты, Липового Папаши, не видать.

Он вылез из машины, прошелся туда-сюда, сверился с картой. Огляделся, словно только что приехал. Отсюда слышен водопад. Не видно из деревни, зато слышно. Тёрнер его рисовал⁹, если верить путеводителю. Он побрел наискось по краю лужка, якобы к пешеходной тропе, – тропы тут змеились повсюду, уводили прочь из деревни. Остановился, сделал вид, будто смотрит в карту, бочком подобрался ближе к детям.

Старшие разминались, кидали и пинали мяч друг другу. Кое-кто тренировал удары головой. Натан с девочкой из малышовой группы пытался гонять мяч. Упал – ноги запле-

---

⁹ Речь идет об английском пейзажисте-романтике Джозефе Мэллорде Уильяме Тёрнере (1775–1851), который много времени проводил в Йоркшире и писал его на протяжении всей жизни.

лись. Два года и три месяца. Лицо сосредоточенно сморщено. Ранимо. Схватить Натана под мышку, добежать до машины, кинуть его на заднее сиденье и уехать – никто и моргнуть не успеет. А полиция сколько будет соображать? Да вечно, вот сколько.

Мяч подкатился к нему. Он поднял, улыбнулся Натану:
– Твой, сынок?

Натан застенчиво кивнул, и он протянул ребенку мяч как наживку – ну иди же ко мне. Едва Натан приблизился, он одной рукой отдал мяч, а другой коснулся детской головки, вроде как волосы мальчику взъерошил. Натан шарахнулся, точно его ошпарили. Девочка из малышовой группы схватила мяч и за руку потащила Натана прочь, злобно косясь через плечо. Мамаши и училки обернулись к нему, но он рассматривал карту, якобы ничего вокруг не замечая.

Подошла одна мамаша, на лице сияет приклеенная вежливая улыбка:

– Вам помочь? – На самом деле она имела в виду: «Если тронешь любого из этих детей, я измолочу тебя в кашу голыми руками».

– Извините, – сказал он, включая обаяние. Порой оно удивляло и его самого. – Я слегка заблудился.

Женщин всегда потрясает, если мужик признается, что заблудился, – они тают сей же момент. («Для оплодотворения яйцеклетки нужно двадцать пять миллионов сперматозоидов, – говаривала его жена, – потому что из них лишь один

догадается спросить, куда же ему идти».)

Он беспомощно пожал плечами:

– Водопад – это где?

– Вон туда. – И она показала ему за спину.

– Ах вот оно что, – сказал он. – Я, видимо, карту вверх ногами держал. Ну ладно, спасибо вам, – прибавил он и зашагал к водопаду, не дав ей времени ответить.

Минут десять надо потянуть. Подозрительно будет, если он сразу вернется к машине.

У водопада было красиво. Известняк и мох. Древесные скелеты черны, а вода, бурая, торфяная, словно выходила из берегов, но, может, она здесь такая всегда. Местные называли водопад «силой» – подходящее слово. Неукротимая сила. Вода всегда найдет дорогу, в итоге победит все на свете. Камень, ножницы, бумага, вода. Да пребудет с тобой сила. Он снова глянул на дорогие часы. Жаль, что он больше не курит. И выпить не помешало бы. Если не куришь и не пьешь, десять минут стоять у водопада – себе дороже, потому что остаются тебе одни только мысли.

Он пошарил в кармане, вытащил пластиковый пакетик. Осторожно опустил туда волос, застегнул замок, сунул пакетик в карман куртки. Он выдернул тонкий черный волосок из макушки Натана – так и держал с тех пор. Теперь дело сделано.

Десять минут прошли. Он быстрым шагом по засохшей

грязи вернулся к «дискавери». Если все пройдет гладко, через час он окажется в Норталлертоне, сядет в лондонский поезд. Карту он оставил на скамейке – неожиданный подарок тому, кто думает, что человеку полагается ходить пешком. Затем Джексон Броуди забрался в машину и включил зажигание. Лишь в одном месте на всем белом свете ему хотелось очутиться. Дома. Всё, прочь отсюда.

Жизнь и похождения Реджи Дич, правдивое повествование об удачах, неудачах, взлетах, падениях и полной истории семейства Дич

Реджи закинула детке в рот ложку какой-то овощной тюри. Хорошо, что детка пристегнут к стульчику: этот ребенок то и дело внезапно взмахивал руками и ногами и пытался взлететь, точно морская звезда, которой прискучило жить.

– Неконтролируемая радость, – объясняла Реджи доктор Траппер. Смеялась: – От еды *очень* много радости.

Детка не капризничал, хотя овощное пюре («батат и авокадо») пахло старыми носками, а на вид смахивало на собачий понос. Детка питался лишь органической едой – доктор Траппер готовила сама, перемалывала и замораживала в пластиковых коробочках, чтобы Реджи только разморозила и разогрела в микроволновке. Детке был всего годик, и доктор Траппер, приходя с работы, кормила его грудью.

– Для его здоровья одна польза, – говорила она. И прибавляла: – Грудь для этого и предназначена, – когда Реджи смущенно отводила глаза; детку звали Габриэль. – Ангел мой, – говорила доктор Траппер.

Шестой месяц Реджи работала у доктора Траппер «маминой помощницей». На некоем подобии собеседования они

уговорились называть это так, старомодно, поскольку слово «няня» обе не любили.

– Как будто коза блеет, – сказала Реджи.

– У меня один раз была няня, – сказала доктор Траппер. – Страшно вспомнить.

Реджи было шестнадцать, а сошла бы за двенадцатилетнюю. Когда забывала проездной, входила в автобус по детскому билету. Никто не спрашивал, никто не проверял, никто не обращал на Реджи внимания. Иногда ей казалось, что она невидимка. Легче легкого проскользнуть в щели, особенно если ты маленькая.

Когда проездной закончился, Билли предложил сделать ей новый. Удостоверение личности он ей уже сварганил.

– Сможешь по пабам ходить, – сказал он, но Реджи не ходила по пабам: во-первых, не с кем, а во-вторых, липовому удостоверению все равно никто не поверит.

На той неделе в воскресенье, когда Реджи с утра пораньше стояла за прилавком у мистера Хуссейна, какая-то женщина сказала, что Реджи рановато краситься. Реджи ответила бы: «А вам поздновато», но имела привычку держать свое мнение при себе, в отличие, видимо, от всех остальных в этом мире.

Так она и жила – всем твердила: «*Мне шестнадцать*», и ей никто не верил. А в душе-то ей лет сто – вот что глупо. Ну и ладно, Реджи все равно в пабы не рвалась – в алкоголе смысла нет, и в наркотиках тоже. В жизни от тебя и так почти

ничего не зависит – не хватало совсем контроль потерять. Реджи вспоминала, как мамуля и Мужчина-Который-Был-До-Гэри заливались дешевым белым вином из супермаркета «Лидел» и «кувыркались», как Мужчина-Который-Был-До-Гэри выражался. По сравнению с ним у Гэри было два существенных достоинства: во-первых, он не был женат, а во-вторых, не облизывался на Реджи при каждой встрече. Если б мамуля не познакомилась с Гэри, она бы сейчас – Реджи глянула на часы – возила штрихкодами над сканером и предвкушала обеденный перерыв (*чай, «Твикс» и сигаретка, самое оно*).

– Хочешь мобильник? – вечно спрашивал Билли и выуживал из кармана штуки две-три. – Чё хошь – «Нокию», «Самсунг»?

Без толку, телефоны Билли дольше недели не работали. Во всех смыслах безопаснее предоплатное «Девство». Реджи нравилось, как Ричард Брэнсон превратил «Девство» в глобальный бренд¹⁰, – католики так же поступили с матерью Иисуса. Выйдешь на улицу – а там это слово. Приятно. Реджи с радостью умерла бы девственницей. Королева-девственница, *Virgo Regina*. Девственная весталка. Мисс Макдональд рассказывала, что весталок, которые «лишились половой невинности», хоронили живьем. Дать погаснуть священ-

---

¹⁰ «Девство» (*Virgin Group*) – конгломерат компаний (авиаперевозчик, студия звукозаписи, оператор сотовой связи и т. д.), созданный британским бизнесменом сэром Ричардом Брэнсоном (р. 1950) и названный так потому, что на момент основания все сотрудники были новичками в бизнесе.

ному огню – знак нечистоты; вот ведь зверство. Не жизнь, а невроз на неврозе. Особенно во времена, когда растопку в брикетах не продавали.

Они вместе с листа переводили кое-какие письма Плиния. «Плиния *Младшего*», – всегда подчеркивала мисс Макдональд, будто это смерть как важно – не запутаться в Плиниях, хотя, вообще-то, на свете небось и людей-то таких не осталось, которым не до фонаря, кто там старший, а кто младший. Которым любые Плинии не до фонаря – точка.

Но Билли готов ради нее что-то делать – приятно, даже если делает он почти сплошь противозаконные вещи. Удостоверение личности Реджи взяла – полезно, если никто не верит, что тебе шестнадцать, – а от проездного отказалась. Мало ли – вдруг это первый шаг по скользкой кривой дорожке, которая бог знает куда выведет. Билли сначала тырил конфеты из лавки мистера Хуссейна, а гляньте на него теперь – профессиональный, можно сказать, преступник.

– Реджи, у тебя большой опыт работы с детьми? – спросила доктор Траппер на так называемом собеседовании.

– Ой, да куча. Правда. Огромная куча опыта, – ответила Реджи, улыбаясь и ободряюще кивая доктору Траппер, которой собеседования как-то не давались. – Чесслово.

Сама бы Реджи работы не нашла. Шестнадцать лет, опыта ноль, невзирая на роскошные рекомендации от мистера Хуссейна и мисс Макдональд и письмо от мамулиной подруги

Триш, в котором говорилось, как хорошо Реджи управляет-
ся с детьми, – на основании того, что в обмен на чаепитие
Реджи целый год вечерами по понедельникам сидела с бес-
толочью Грантом, старшим сыном Триш, и вдалбливала ему
математику к стандартному экзамену (ну что тут скажешь?
Безнадежный случай).

С годовалыми младенцами – и вообще с маленькими
детьми – Реджи не сталкивалась, но где тут подводные кам-
ни? Младенцы маленькие, беспомощные, растерянные, и все
это Реджи с легкостью примеряла на себя. И сама она бы-
ла ребенком не так уж давно, хоть гадалка и сказала, что у
Реджи «старая душа». Тело ребенка, душа старухи. До вре-
мени состарилась. Не то чтобы Реджи верила в гадалок. Та,
что рассказала ей про старую душу, жила в новом кирпич-
ном доме окнами на Пентландские холмы и звалась Санд-
рой. Реджи познакомилась с ней на девичнике одной маму-
линой подруги, которая в очередной раз, к несчастью свое-
му, собралась замуж, – Реджи, по обыкновению, тоже туда
потащилась, невесте удачу принести. Вот что бывает, когда
своих друзей нет, – вся светская жизнь состоит из походов
к гадалкам, в залы бинго и на концерты Дэниэла О’Доннел-
ла¹¹ («Передайте Реджи „Забаву“ – да вон же, дороже в шоко-
ладе»). Неудивительно, что душа у нее стара. Мамули боль-
ше нет, а ее подруги всё звонят: «Мы в Глазго за покупка-

---

¹¹ Дэниэл Фрэнсис Ноэл О’Доннелл (р. 1961) – ирландский фолк- и кантри-пе-
вец, популярная фигура ирландской эстрады.

ми, хочешь с нами?» или «Пойдешь на „Братьев по крови“ в „Плейхаус“¹²?» Нет, нет и нет. Кончена забава, все были духи¹³. Ха!

Ничего неземного в гадалке Сандре не обнаружилось. Помощник юриста, пухлая, за пятьдесят, в розовом кардигане, шаль на шее заколота брошью с коралловой камеей. Вся парфюмерия в ванной – «Гардения» из «Крэбтри и Ивлина»¹⁴, все флаконы выстроились ровно в дюйме от края, как на витрине.

– Твоя жизнь скоро изменится, – сказала Сандра мамуле. И не обманула.

По сей день Реджи иногда мерещится приторный запах гардений.

Доктор Траппер была англичанка, но выучилась на врача в Эдинбурге и на юг так и не вернулась. У нее был терапевтический кабинет в Либертоне, прием с половины девятого утра, так что «первую смену» с деткой сидел мистер Траппер. Реджи принимала детку в десять, сидела с ним до возвращения доктора Траппер в два (обычно, впрочем, ближе к трем. «На полставки, а как будто на полную», – вздыхала

---

¹² «Братья по крови» (*Blood Brothers*, 1983) – мюзикл британского композитора и драматурга Уилли Расселла о двух близнецах, разлученных сразу после рождения; регулярно ставится в разных британских театрах, в том числе в эдинбургском «Плейхаусе».

¹³ Уильям Шекспир. «Буря», акт IV, сц. 1. Пер. О. Сороки.

¹⁴ Crabtree & Evelyn (1973–2009) – американский производитель парфюмерии и предметов для дома из растительных ингредиентов.

доктор Траппер), а потом до пяти – это лучше всего, потому что доктор Траппер дома.

У Трапперов был сорокадюймовый телевизор высокой четкости, и Реджи с деткой смотрели DVD с «Баламори»¹⁵, – правда, детка неизменно засыпал на диване, стоило зазвучать основной теме, утыкался в Реджи, точно обезьянка. Реджи удивлялась, что доктор Траппер разрешает ребенку телевизор, но та сказала:

– Да господи, почему нет? Время от времени, в чем беда?

Когда рядом спит детка – это лучше просто не придумать; ну, еще хорошо, когда котенок или щенок. Однажды у Реджи был щенок, но брат выкинул его в окно. «По-моему, он не нарочно», – сказала мамуля, но такое ведь не сделаешь нечаянно, и мамуля это понимала. И Реджи понимала, что мамуля понимает. Мамуля говаривала: «Билли, конечно, горе-злосчастье, но он наше злосчастье. Кровь не водица». Да уж, и к тому же кровь липкая. В жизни Реджи был только один день хуже того, когда в окно вылетел щенок. Когда ей сказали про мамулю – этот день был хуже. Знамо дело.

Доктор и мистер Траппер жили в очень славном районе Эдинбурга, поблизости от Блэкфордского холма и во всех смыслах очень далеко от обувной коробки на третьем этаже в Горги, где жила Реджи – одна, поскольку мамули больше нет.

---

¹⁵ «Баламори» (*Balamory*, 2002–2005, создатель – Брайан Джеймсон) – британская музыкальная мыльная опера для дошкольников о жителях вымышленного шотландского острова Баламори, которые в каждой серии решают какую-нибудь проблему, в поисках решения заходя к соседям.

На двух автобусах с пересадкой ехать, но Реджи-то что? Она всегда садилась на втором этаже, заглядывала в чужие дома и представляла себе, каково там живется. К тому же теперь можно высматривать в окно первую рождественскую елку – тоже плюс. (Доктор Траппер всегда говорила, что простые радости – лучшие радости, и она права.) Домашние задания опять же успеваешь. В школу Реджи больше не ходила, но училась по программе. Английская литература, древнегреческий, история Древнего мира, латынь. Что угодно, только мертвое. Иногда она воображала, как мамуля изъясняется на латыни (*Salve, Regina*¹⁶), – мало похоже на правду, мягко говоря.

Поскольку компьютера у Реджи не было, приходилось, знамо дело, часами сидеть в публичной библиотеке и в интернет-кафе, но это ничего – в интернет-кафе никто не ржет: «Реджина – рифма „вагина“», как в этой уродской шикарной школе. У мисс Макдональд был «хьюлетт-паккард» (пока не издох) – древний динозавр, она пускала к нему Реджи. Динозавра купили на заре цивилизации – «Виндоуз-98» и модемное подключение к «АОЛ», – и каждый выход в интернет жестоко испытывал терпение.

У Реджи одно время был «макбук», с которым на прошлое Рождество заявился Билли. Чтобы Билли пошел в магазин и что-нибудь купил? Да ни под каким видом – Билли чуждо понятие покупки. Реджи заставила брата встретиться с ней

---

¹⁶ Здравствуй, королева (лат.).

Рождество («наше первое Рождество без мамы»). Запекла индейку, все такое, даже пудинг полила бренди и подожгла, но Билли досидел только до речи королевы, а потом ему приспичило «пойти и кой-чего сделать», и Реджи спросила: «Что? Что тебе делать на Рождество?» – а он пожал плечами: «Ну так, всякое разное». Остаток дня Реджи провела с семейством мистера Хуссейна – Рождество у них вышло поразительно викторианское. Спустя месяц Билли появился в квартиру, когда Реджи не было, и забрал «макбук»: концепцию подарка он тоже явно не постигал.

И скажем правду, библиотеки и интернет-кафе лучше, чем пустая квартира. «Ах, там, где чисто, светло», – говорила мисс Макдональд. Это у Хемингуэя рассказ такой¹⁷, мисс Макдональд велела Реджи прочитать (все уши прожужжала – мол, «полнится смыслами»), хотя на экзамене второго уровня за среднюю школу Хемингуэя не будет, и, может, разумнее почитать то, что будет на экзамене? «Миззззз Макдональд», – подчеркивала она, прямо как обозленная оса (что неплохо описывает ее характер).

Мисс Макдональд очень настаивала на «чтении по теме» («Ты хочешь учиться или нет?»). Собственно, по теме ей, видимо, нравилось больше, чем по сути. Чтение по теме мисс Макдональд представляла себе так: садишься в са-

---

¹⁷ «Там, где чисто, светло» (*A Clean, Well-Lighted Place*) – рассказ американского писателя Эрнеста Хемингуэя 1926 г., в 1933 г. вошедший в сборник «Победитель не получает ничего». *Здесь и далее – пер. Е. Романовой.*

молет и смотришь, далеко ли он тебя завезет. Жизнь слишком коротка, возмущалась Реджи, – пожалуй, не стоило говорить это умирающей. Обязательным чтением Реджи выбрала «Большие надежды» и «Миссис Дэллоуэй», считала, что ей с головой хватило чтения по теме Диккенса и Вирджинии Вулф (то есть целиком их *oeuvre*¹⁸, как упорно называла это мисс Макдональд), включая письма, дневники и биографии, – не хватало еще сбиться с пути и забрести в переулочек, где окопались рассказы Хемингуэя. Соппротивление, однако, было бесполезно.

Мисс Макдональд одолжила ей чуть ли не все романы Диккенса, а остаток Реджи скупил в благотворительных лавках. Диккенса Реджи полюбила: в его книгах кишмя кишели отважные брошенные сиротки, которые пытались пробиться в жизни. Этот сюжет Реджи знала лучше многих. Еще она читала «Двенадцатую ночь» – Реджи и Виола, осиротевшие в шторм¹⁹.

Раньше мисс Макдональд преподавала классическую литературу – собственно, у Реджи в классе и преподавала, в уродской шикарной школе, – а теперь пыталась подготовить

---

¹⁸ Собрание сочинений (*фр.*).

¹⁹ Виола, героиня комедии Уильяма Шекспира «Двенадцатая ночь», после кораблекрушения оказывается в стране Иллирии, где ищет своего брата-близнеца, пропавшего в том же шторме. Кроме того, «Осиротевшие в шторм» (*Orphans of the Storm*, 1921, в русской традиции также – «Сиротки бури») – немой фильм американского режиссера Д. У. Гриффита о судьбе двух сестер во времена Французской революции с Лиллиан и Дороти Гиш в главных ролях.

Реджи к экзаменам второго уровня. По английской литературе мисс Макдональд готовила Реджи на том основании, что якобы прочла все книги, какие только были написаны в этом мире. Не поспоришь: доказательством тому – ее преступно неряшливый дом. Завален книгами по самую крышу – мисс Макдональд могла бы устроить районную библиотеку (или роскошный пожар). Помимо прочего, у нее было полное собрание «Классики Лёба»²⁰ – сотни томов, красные на латыни, зеленые на греческом, – и книжный шкаф от них едва не лопался. Оды и эподы, эклоги и эпиграммы. Всё-всё-всё.

Куда денутся эти чудесные «Лёбы» после смерти мисс Макдональд? Хорошо бы застолбить, размышляла Реджи, но это, пожалуй, не очень-то вежливо.

Мисс Макдональд обучала Реджи не то чтобы бесплатно – в обмен Реджи была у нее на посылках: покупала лекарства по рецептам, чулки в «Британских магазинах для дома», крем для рук в «Бутс» и «эти свиные пирожочки в „Марксе и Спенсере“». Мисс Макдональд очень отчетливо себе представляла, где что положено покупать. Если ты уже одной ногой в могиле, считала Реджи, нечего привередничать насчет поставщика свиных пирогов. Если б мисс Макдональд чуток напряглась, она бы небось и сама все это смогла делать

---

²⁰ «Классическая библиотека Лёба» – книжная серия, основанная американским филантропом Джеймсом Лёбом (1867–1933) в 1911 г. и выходящая с 1912-го (с 1989-го – в издательстве Гарвардского университета); в серии публикуются двуязычные издания классических греческих и латинских текстов с подстрочным переводом на английский.

– она еще садилась за руль синего «саксо», который водила, как близорукая и чрезмерно возбудимая шимпанзе: давила на газ, когда надо на тормоз, на тормоз – когда надо на газ, в быстром ряду ехала медленно, в медленном – быстро, как будто в компьютерной игре очутилась, а не по-настоящему рулит.

В уродскую шикарную школу Реджи больше не ходила: она там была как мышь в кошкином доме. *Дополнительные занятия, каникулы и питание – выше всяких похвал.* Она получила грант на обучение в двенадцать лет, но в такие школы не заявляешься с бухты-барахты, как с другой планеты, будь ты вся из себя и башковитая. Школьная форма вечно какая-то не такая, вечно не то приносишь на физкультуру (и что ни приноси, физкультура тебе не дается), секретный школьный язык и иерархии для тебя – тайна за семью печатями. Не говоря уж о том, что твой старший брат порой околачивается у ворот и пялится на модно стриженных девочек из приличных семей. Реджи знала, что Билли кой-чего толкал мальчикам (приличные семьи, модные стрижки и все такое) – мальчикам, которым на роду написано попетлять по спиралям своего генетического кода и стать юристами в судах Эдинбурга и которые, однако, покупали рекреационные наркотики у недорослого брата Реджи Дич. Мальчики эти – сверстники Билли, но в остальном – небо и земля.

Плата такая, что на эти деньги можно покупать две отличные машины в год – грант Реджи покрывал обучение лишь

на четверть, остальное платила армия. «Запоздалое раскаяние», – говорила мамуля. К несчастью, некому было оплатить дополнительные занятия, школьную форму, в которой вечно чего-то не хватало, учебники, школьные экскурсии, модные стрижки. Отец Реджи служил в Королевском шотландском полку, но Реджи отца никогда не видела. Мать была на седьмом месяце, когда отца убили на Войне в Заливе – «пальнули по своим». Обычно люди познают иронию, когда уже вылезли из утробы, сказала Реджи.

– Жертвы истории, – ответила мисс Макдональд.

– Ну а кто не жертвы, мисс Мак?

Мамуля и Реджи работали день и ночь. Мамуля трудилась в супермаркете и гладила белье в паре гостиниц, а Реджи по воскресеньям утром работала в лавке у мистера Хуссейна. Реджи начала, еще когда училась в школе, – газеты разносила, по выходным за прилавком стояла, такое вот. По чуть-чуть отдавала в жилищно-строительное общество, экономила каждый пенни на аренде и счетах, на предоплатном мобильнике и на карте «Топ-Шопа».

– Твоя склонность к экономии весьма похвальна, – говорила мисс Макдональд. – Женщина должна уметь обращаться с деньгами.

Мамуля родилась в Блэргаури, а сразу после школы пошла на птицефабрику, приглядывала за конвейером – пупырчатые трупики ползли по нему, а затем ныряли в кипя-

ток. Это навсегда задало мамуле планку, и она твердила, чем бы ни занималась: «Спасибо, что не птицефабрика». Видимо, на птицефабрике и впрямь было скверно: у мамыли потом случались довольно дрянные работы. Она любила мясо – сэндвичи с беконом, мясо с пюре, сосиски с картошкой фри, – но Реджи никогда не видела, чтоб мамуля ела курицу, даже когда Мужчина-Который-Был-До-Гэри приволакивал ведро из «Жареных кур Кентукки», а ведь Мужчина-Который-Был-До-Гэри мог заставить мамулю делать почти что угодно. Только впихнуть в нее курятину не мог.

Образование образованием – десять высших баллов в аттестате об общем среднем, – но Реджи вздохнула с облегчением, подделав и отослав письмо от мамыли: так и так, переезжаем в Австралию, осенью не ждите Реджи в этой вашей уродской шикарной школе.

Мамуля так гордилась, что Реджи получила грант («У меня! Ребенок гений!»), но когда мамыли не стало, не стало и смысла, по утрам паршиво – уходишь в школу, и никто тебе не говорит «пока», но еще паршивее возвращаться в пустой дом, где никто не говорит «привет». Подумать только: два коротеньких слова, а такие важные. *Ave atque vale*²¹.

Мисс Макдональд тоже больше не ходила в уродскую шикарную школу, потому что в мозгу у нее грибницей разрас-

---

²¹ Привет и прости (*лат.*), финальная фраза римского похоронного обряда и цитата из стихотворения 101 («К брату, над его могилой», 57–56 до н. э.) Гая Валерия Катулла (ок. 87 – ок. 54 до н. э.). Пер. С. Шервинского.

талась опухоль.

Реджи не эгоистка, ничего такого, но она все-таки надеялась, что мисс Макдональд успеет подготовить ее ко второму уровню, прежде чем опухоль доест мозг. *Все это ничто и снова ничто*²², говорила мисс Макдональд. По правде сказать, она сильно злилась. Умиравшие бывают чуток раздосадованы – это понятно, но мисс Макдональд всегда была такая, болезнь ее не смягчила, и хоть мисс Макдональд и пришла к религии, христианского милосердия в ней что-то не завелось. Она бывала добра в частностях, а в целом – никогда. Вот мамуля вообще была добрая – это все и искупало: даже когда чудила – с Мужчиной-Который-Был-До-Гэри, да и с самим Гэри, – она всегда помнила, что нужно быть доброй. Впрочем, мисс Макдональд тоже кое-что искупало – она заботилась о Реджи и любила свою собачку, а у Реджи это числилось среди крупных добродетелей.

Повезло мисс Макдональд, думала Реджи, – она успела привыкнуть к тому, что умирает. Куда это годится – идешь такая, от счастья аж сияешь, а тут раз – и нет тебя. Вышла из комнаты, села в такси.

Нырнула в холодный голубой бассейн – и не вынырнула. *Nada y pues nada*²³.

– А вы много народу на эту работу собеседовали? – спро-

---

²² Цитата из рассказа Эрнеста Хемингуэя «Там, где чисто, светло» (1926).

²³ Ничто и снова ничто (*исп.*).

сила Реджи, и доктор Траппер сказала:

– Да целую толпу.

А Реджи сказала:

– Плоховато вы врете. – И доктор Траппер покраснела, засмеялась и сказала:

– Это точно. Врать я не умею. Я даже в «верю не верю» играть не могу. Но про тебя у меня хорошее чувство, – прибавила она, и Реджи сказала:

– Ну что ж, чувствам надо доверять, доктор Т.

Вообще-то, Реджи думала иначе, мамуля-то поехала с Гэри в отпуск, потому что доверилась чувствам, – и вот результат. И Билли чувства тоже редко доводили до добра. Он, конечно, карлик, но он ведь злой карлик.

– Зови меня Джо, – сказала доктор Траппер.

Доктор Траппер сказала, что на работу выходить не хотела и будь ее воля – она бы за порог ни ногой.

Непонятно, почему воля не ее. Ну, объяснила доктор Траппер, бизнес «Нила» «забуксовал». (Его «подвели», и «что-то там не выгорело».) Заговаривая о бизнесе мистера Траппера, доктор Траппер шурилась, будто пыталась за много миль разглядеть очень мелкие буквы.

Из поликлиники доктор Траппер то и дело звонила домой – проверяла, как там детка. Доктор Траппер любила с ним болтать и произносила долгие монологи, а детка между тем глодал телефонную трубку. Реджи слышала, как доктор

Траппер говорит: «Привет, солнышко, как твои делишки?» и «Мамочка скоро придет, не обижай Реджи». И еще доктор Траппер все время цитировала обрывки стихов и детских песенок, она их помнила просто сотни и частенько выдавала вдруг: «Дили-дили-дон, мой сыночек Джон» или «Жоржик-коржик-пирожок»²⁴. Она много знала такого – очень английского, глубоко чуждого Реджи, которая выросла на «Вот буренка Кэти Бэрди» и «Какая красуля, вот это красуля, прекрасница Джинни Макколл»²⁵.

Если детка спал, доктор Траппер просила Реджи позвать к телефону собаку.

(– Ах да, я забыла предупредить, – сказала доктор Траппер в конце «собеседования», и Реджи подумала: ой-ой, у нее двухголовый ребенок, дом стоит над пропастью, а муж – чокнутый маньяк, но доктор Траппер сказала: – У нас собака. Ты любишь собак?

– Ну знамо дело. Обожаю. Правда. Чесслово.)

Говорить собака не умела, но что такое телефонный разговор («Привет, псина, как там моя красавица?»), соображала получше детки – Реджи держала трубку возле собачьего уха, а Сейди внимательно слушала.

Впервые ее увидев, Реджи переполошилась – громадная

---

²⁴ Пер. И. Родина.

²⁵ Доктор Траппер здесь и далее обильно цитирует английские детские стихи и песенки («Рифмы Матушки Гусыни» и т. д.). Реджи выросла на шотландских народных песнях.

немецкая овчарка, ей бы стройки охранять.

– Нил боялся, что собака заревнует, когда родится ребенок, – сказала доктор Траппер. – Но я бы жизнь свою ей доверила, и жизнь ребенка тоже. Я знаю Сейди сто лет – я дольше знаю только Нила. У меня в детстве была собака, но она умерла, а потом отец не разрешил завести другую. Отец теперь тоже умер, так что сама видишь.

Реджи не поняла, что должна увидеть.

– Мне очень жаль, – сказала она. – Такая потеря.

Прямо как в полицейском сериале. Она говорила про собаку, а доктор Траппер решила – про отца.

– Ничего, – сказала она. – Он сам себя намного пережил. Зови меня Джо. – На собаках доктор Траппер была помешана. – Лайка, – говорила она, – первая собака, полетевшая в космос. Через несколько часов умерла – высокие температуры и стресс. Ее нашли в приюте, забрали, она-то, наверное, думала, ее домой возьмут, в семью, а ее отправили на самую что ни на есть одинокую смерть. Как это грустно.

Отец доктора Траппер пребывал на этапе полураспада в книгах – он был писатель, когда-то, говорила доктор Траппер, очень модный («Некогда знаменитый», – смеялась она), но книги его «не прошли проверку временем».

– Вот и все, что от него осталось, – сказала она, листая заплесневелый том под названием «Лавочник». – А от матери ничего, – прибавила она. – Иногда я думаю, хорошо бы расческу, гребень, такое, чего она касалась каждый день, что бы-

ло в ее жизни. Но ничего нет. Все может исчезнуть, Реджи, – никогда этого не забывай.

– Вот уж этого я не забываю, доктор Т.

– Отвернешься – и нету.

– Я знаю, вы уж мне поверьте.

Отцовские романы доктор Траппер свалила шаткой грудой в углу темного чулана на верхнем этаже. Да какой чулан, говорила доктор Траппер, так, большой буфет, хотя, вообще-то, он больше спальни Реджи в Горги. Доктор Траппер называла его «мусоросборник», и он был забит вещами, с которыми никто не знал, как поступить, – одинокая лыжа, хоккейная клюшка, старое одеяло, сломанный принтер, переносной телевизор, который не заставишь работать (Реджи пыталась), и куча всяких финтифлюшек, подаренных на Рождество или на свадьбу.

– *Quelle horreur!*²⁶ – смеялась доктор Траппер, изредка заглядывая в чулан. – Тут есть на редкость безобразные вещи, – говорила она Реджи.

Может, и безобразные, но не выбросишь, это подарки, а «подарки надлежит почитать».

– Кроме троянских коней, – сказала Реджи.

– С другой стороны, дареному коню в зубы не смотрят, – сказала доктор Траппер.

– Может, и стоило бы, – ответила Реджи.

---

²⁶ Какой ужас! (*фр.*)

– *Timeo Danaos et dona ferentes*²⁷.

– Ну знамо дело.

Подарки, заметила Реджи, почитались не вечно: едва в почтовый ящик проскальзывал пластиковый пакет от сборщиков благотворительной помощи, доктор Траппер набивала его штуками из мусоросборника и довольно виновато выставляла на крыльцо.

– Сколько ни выноси, меньше не становится, – вздыхала она.

– Против физики не попрешь, – отвечала Реджи.

В остальном дом был аккуратный и оформлен со вкусом – ковры, светильники, безделушки. Не такие безделушки, как мамулина коллекция наперстков и миниатюрных чайничков, которые, хоть и крошечные, занимали ценное пространство в квартирке Реджи.

Дом у Трапперов был викторианский – все современные удобства на месте, но оригинальные камин, и двери, и карнизы тоже сохранились, и это, говорила доктор Траппер, просто чудо расчудесное. В парадной двери витраж – когда в дверь светило солнце, красные лучистые звезды, синие снежинки, желтые розетки повсюду разбрасывали цветные пятна. Был даже полный комплект звонков для слуг и задняя лестница, чтобы прислуга не мозолила глаза.

– Ах, прошли те времена, – сказал мистер Траппер и за-

---

²⁷ Боюсь данайцев и дары приносящих (*лат.*). – Вергилий. «Энеида», II, 49. Пер. В. Брюсова.

смеялся: если б он жил в те времена, когда этот дом построили, он бы чернил сапоги и клал печи. – И ты тоже, наверное, Реджи, – прибавил он, а вот «Джоанна» «расхаживала бы наверху лебедью белой», потому что предки ее были богачи.

– Это прошло, – пояснила доктор Траппер, когда Реджи вопросительно на нее посмотрела.

– Увы, – сказал мистер Траппер.

– Глупо вложились, все спустили на дом престарелых и на ерунду, – сказала доктор Траппер, как будто добыть и потратить деньги – это так, тьфу. – Дедушка мой был богат, но, видимо, транжира.

– А мы – бедные, но честные, – сказал мистер Траппер.

– Похоже на то, – сказала доктор Траппер.

Собственно говоря, однажды призналась она, кое-какие деньги остались, и она потратила их на этот «очень, очень дорогой дом».

– Вложение, – говорил мистер Траппер.

– Дом, – поправляла она.

Реджи больше всего любила кухню. В эту кухню влезла бы вся квартира Реджи в Горги, да еще осталось бы место паре-тройке слонов покачаться на качелях. Мистер Траппер, как ни странно, любил готовить и переворачивал кухню вверх дном.

– Моя творческая жилка, – говорил он.

– Женщины готовят, потому что людям нужно питаться, – отвечала доктор Траппер. – А мужчины – чтобы выпендрить-

ся.

В кухне даже была кладовая – тесная и холодная, каменные плитки на полу, каменные полки и деревянная дверь, у которой на филенках вырезаны сердечки. Доктор Траппер хранила в кладовой сыр, яйца, бекон и всякие консервы и крупы.

– Надо джем варить, – виновато говорила она летом. – Такая кладовая просит домашнего джема. – Сейчас приближалось Рождество, и доктор Траппер говорила: – Прямо неловко, что я пирогов не испекла. Или рождественский торт. Или хоть пудинг. Кладовая просит пудинга – завернуть его в ткань, насовать монеток и амулетов. – Это у доктора Траппер в детстве было такое Рождество, спросила Реджи, а доктор Траппер ответила: – Да нет, боже упаси.

Реджи считала, что кладовая ничего не просит, небольшой уборки разве что. Мистер Траппер вечно копался на полках, искал ингредиенты и сбивал ровные ряды склянок и жестянок.

Доктор Траппер («Зови меня Джо») не верила в религию, не верила «ни в какую трансцендентность, кроме трансцендентности человеческого духа», однако твердо верила в порядок и вкус.

– Моррис говорит, не держи вещь в доме, если не уверен, что она полезна, и не считаешь, что она красива, – сказала она Реджи; они ставили садовые цветы в изящную вазочку («вустерский фарфор»).

Реджи решила, что это про какого-то знакомого Мориса, приятеля-гея например, а потом заметила на полке биографию Уильяма Морриса²⁸ и подумала: вот дура-то, я же знаю, кто это, ну знамо дело.

Дважды в неделю приходила уборщица Лиз – все стонала, сколько у нее работы, но Реджи казалось, что у Лиз не работа, а лафа: у Трапперов все под контролем, они ж не заставляют прямо вылизывать, просто понимают разницу между удобством и хаосом – в отличие от мисс Макдональд, у которой «мусоросборником» служил весь дом: повсюду ошметки и обрывки, квитанции и ручки, часы без ключей, ключи без замков, на комоды навалена одежда, старые газеты грудami, в один прекрасный день в коридоре возникло полвелосипеда, и это не говоря о книгах, убивших целый лес. Мисс Макдональд отговаривалась скорым вознесением и вторым пришествием («Да что толку в уборке?»), но, если честно, она была неряхой, только и всего.

Мисс Макдональд «нашла» религию (один боженька знает где) вскоре после того, как ей диагностировали опухоль. Некая связь между этими событиями присутствовала. Если б Реджи заживо пожирал рак, она бы тоже небось поверила в Бога – приятно ведь знать, что кто-то о тебе позаботится; правда, Бог мисс Макдональд заботливостью не отличался, скорее наоборот – плевать хотел на людские страдания и

---

²⁸ Уильям Моррис (1834–1896) – английский художник, писатель, дизайнер и теоретик декоративного искусства.

увлекался бездумным разрушением.

У доктора Траппер в кухне висела доска, а на доске всякие бумаги – сразу понятно, как доктор Траппер жила: сертификат по легкой атлетике – когда-то она была чемпионкой графства по спринту, еще сертификат – экзамен за восьмой класс по фортепиано; и фотография («Я тогда была студенткой») – доктор Траппер держит кубок, а вокруг все хлопают.

– Я была очень разносторонняя личность, – смеялась доктор Траппер, а Реджи отвечала:

– Да вы и сейчас.

На доске висели фотографии – карта жизни доктора Траппер, Сейди давно и недавно, куча деткиных портретов, конечно, и один снимок, где доктор и мистер Траппер хохочут в сиянии иностранного солнца. Еще там болтались списки покупок, рецепты («Шоколадные кексы Шейлы») и записки, которые доктор Траппер писала самой себе: «Не забыть сказать Реджи, что в понедельник не будет „Джо Джинглз“²⁹» или «Совещание перенесли на вечер пятницы». Записи о приемах болтались там же – зубной, парикмахер, окулист. Доктор Траппер надевала очки за рулем и в очках казалась еще умнее. Реджи тоже полагалось носить очки, но у нее выходило наоборот – в очках она смотрелась полнейшей тетехой и старалась их надевать, только если никто не видел. Детка и доктор Траппер не в счет – с ними Реджи могла быть

---

²⁹ «Джо Джинглз» (*Jo Jingles*) – британская программа группового дошкольного обучения для детей от 3 месяцев до 5 лет.

собой, вплоть до очков.

На доске висела к тому же пара визиток – их цеплял мистер Траппер, возвращаясь с «деловых обедов», – но в целом это была доска доктора Траппер.

Вчера после обеда пришла женщина. И двух минут не прошло, как доктор Траппер переступила порог, – и тут позвонили в дверь. Может, подумала Реджи, эта женщина припарковалась неподалеку, ждала, когда появится доктор Траппер.

Реджи, примостив ребенка на бедре, проводила гостью в кухню и пошла за доктором Траппер – та переодевалась наверху, снимала черный костюм, который носила на работу. Когда Реджи вернулась, женщина разглядывала доску – довольно бесцеремонно, чужакам не полагается так себя вести. Гостя слегка смахивала на доктора Траппер – тоже темные волосы, тоже до плеч, тоже худощавая, только чуть-чуть выше. И тоже в черном костюме. Явно не продавщица «Эй-вона». Будет ли у Реджи такая жизнь, чтоб носить черный костюм?

Доктор Траппер вошла в кухню, женщина выудила из сумки визитку:

– Можно с вами побеседовать? – И доктор Траппер сказала Реджи:

– Приглядишь за деткой?

Детка изображал морскую звезду, которой надоело жить, тянул пухлые ручки, словно молил спасти его с тонущего

корабля, но доктор Траппер только улыбнулась ему и увела женщину в гостиную, да еще и дверь закрыла. Если детка звал, доктор Траппер никогда не уходила. И никогда никого не водила в гостиную – гости всегда сидели за большим столом в уютной кухне. Реджи занервничала – вдруг женщина пришла из-за Билли? Расскажет, что Реджи – сестра Негодяя Билли, и Реджи выгонят. Реджи не сказала доктору Траппер, что у нее есть брат. Не соврала – просто выкинула его из истории своей жизни. Он ведь с ней так же поступил.

Собака пошла следом, но доктор Траппер закрыла дверь у нее перед носом, ни слова не сказав, – а это так на нее непохоже, – и изгнанная Сейди уселась терпеливо ждать под дверью. Если б умела, нахмурилась бы.

Когда женщина уходила, у доктора Траппер было странное напряженное лицо – будто делает вид, что все нормально, а все совсем наоборот.

На доске появилась новая визитка. На визитке тиснение: «Полиция Лотиана и Шотландских Границ», номер телефона и имя: «Старший детектив-инспектор Луиза Монро».

Реджи скормила детке йогурт – не обычный йогурт, а особенный, органический, для деток, без добавок, без сахара, натуральный на сто процентов. Когда детка остыл к йогурту, Реджи доела остатки.

На улице было промозгло, а в кухне уютно и безопасно. Дом еще не украсили к Рождеству, только на деткин

день рождения купили календарь Рождественского поста, но Реджи уже воображала ароматы мандаринов, и хвои, и поленьев в камине, и разные другие запахи, которыми доктор Траппер вот-вот наполнит дом. Это ее первое Рождество при докторе Траппер и детке – как бы эдак им предложить, чтоб Реджи провела рождественский день с ними, а не сама по себе и не с Хуссейнами. Ничего против Хуссейнов Реджи не имела, но они ведь не семья. А доктор Траппер и детка – семья.

Сейди терпеливо караулила подле кресла. Когда детка ронял еду, собака слизывала с пола. Иногда умудрялась в воздухе поймать. И все это с невероятным достоинством – как будто и не клянчит подачки. («Стареет», – грустно говорила доктор Траппер.)

Реджи дала детке пожевать кусочек тоста из цельной пшеницы, а сама пошла мыть тарелки – детскую посуду она не доверяла посудомоечной машине. Деткины тарелки были из настоящего фарфора, со старомодными такими узорами. Деткины игрушки – деревянные, красивые, ничего кричащего (в обоих смыслах), а деткина одежда – дорогая и новая, не доставшаяся по наследству, не из лавок подержанного тряпья. Очень много французского. Сегодня его нарядили в умереть какой хорошенький бело-синий комбинезончик в полоску («матроска», называла это доктор Траппер) – Реджи он напоминал викторианский купальник. В комнате у детки коврик с Ноевым ковчегом и ночник – большой пятни-

стый мухомор. На деткиных простынках вышиты кораблики, а над кроватью висит образец вышивки – дата деткиного рождения и имя «Габриэль Джозеф Траппер» бледно-голубым тамбурным швом.

Детка ничего не боялся, только громких резких звуков (Реджи его понимала), и умел хлопать в ладоши, если сказать ему: «Похлопай», а если сказать: «Где твой красный мячик?» – он полз к ящику с игрушками и отыскивал мячик. Только вчера детка сам сделал нестойкий первый шаг. («Крошечный шагоч для человечества – а для ребенка гигантский прыжок», – сказала доктор Траппер.) Он умел говорить «бака» и «мяч» и еще «дяло» – так он называл свое самое драгоценное сокровище – квадрат, вырезанный из одеяла, купленного еще до деткиного рождения сестрой мистера Траппера, – бледно-зеленое («мшистое», говорила доктор Траппер) одеяльце, оно подошло бы и мальчику, и девочке. Доктор Траппер рассказала Реджи, что, «вообще-то», знала, что будет мальчик, но не сказала никому, даже мистеру Трапперу, потому что «хотела, чтоб ребенок подольше принадлежал ей одной». Теперь зеленое одеяльце, к которому так прикипел детка, обрезали, чтоб детке легче было его тискать.

– Его Винникоттов переходный объект³⁰, – загадочно по-

---

³⁰ Согласно теории английского психоаналитика, педиатра и детского психиатра Дональда Винникотта (1896–1971), переходный объект (игрушка, палец и т. д.) утешает ребенка в период, когда ребенок переходит из состояния полной зависимости от матери и восприятия ее и себя как единого организма к зависимости относительной, при которой он начинает воспринимать себя как отдель-

яснила доктор Траппер. – Или, может, талисман.

У детки неделю назад был первый день рождения, и они втроем (без мистера Траппера, он «совсем зашивался», и к тому же «он ведь не *понимает*, что у него день рождения, Джо») поехали в гостиницу под Пиблзом выпить чаю, и официантка кудыхтала над деткой, потому что он такой красавчик и так замечательно себя ведет. Детке досталась маленькая креманка розового мороженого.

– Первое мороженое! Ты представь только! – сказала доктор Траппер. – Реджи, вот представь: ты ешь мороженое впервые в жизни.

Детка попробовал мороженое, и у него от удивления аж глаза на лоб полезли.

– Вот какой молодчина, – сказала Реджи.

Реджи с доктором Траппер вдвоем съели целую тарелку пирожных.

– По-моему, во мне живет толстуха, и она хочет на волю, – сказала Реджи, а доктор Траппер засмеялась и чуть не подавилась крошечным кофейным эклером, но, наверное, ничего страшного, потому что Реджи попросила доктора Траппер вот именно на такой случай научить ее приему Хаймлиха.

– Я *ужасно* счастлива, – сказала доктор Траппер, откашлявшись, и Реджи сказала:

– И я.

И лучше всего то, что они и впрямь были счастливы, –

удивительно, как часто люди говорят, что счастливы, а на самом деле несчастны. Вот, например, мамуля с Мужчиной-Который-Был-До-Гэри.

Был первый день Рождественского поста, и доктор Траппер, хоть в Бога и не верит, сказала, что детке повезло – родиться в такой день. В Пиблзе они купили постный календарь. В Пиблзе вообще полно лавок, какие любят старики. Реджи такие тоже любила – видимо, потому, что у нее старая душа.

За каждой дверцей на календаре была шоколадка, и доктор Траппер сказала:

– Давай повесим в кухне – будешь открывать каждый день, а тебе конфета.

Реджи так и делала, открыла дверцу вот прямо сейчас и держала тающего шоколадного Санту за щекой, чтоб хватило на подольше, а между тем макала деткины тарелки «Бан-никинз» в раковину и брызгала «Эковером» в горячую воду. Доктор Траппер покупала исключительно экологичные продукты – стиральные порошки, жидкость для мытья полов, всё-всё-всё.

– Только вредной химии ребенку и не хватало, – говорила она Реджи; ребенок был драгоценен, ничего драгоценнее быть не может на всем белом свете. – Ну, мне нелегко было его раздобыть, – смеялась доктор Траппер. – Та еще задачка.

Доктору Траппер приходилось осторожничать – у нее астма (*Врачу, излечися сам*, говорила она), которая досталась ей

«от матери». И она все время простужалась – это, говорила она, потому, что поликлиника – «самое нездоровое место на земле – там же полно больных». Иногда, стоя близко, Реджи слышала, как хрипит у доктора Траппер в груди. Дыхание жизни, говорила доктор Траппер. Детка, похоже, проблем с легкими не унаследовал.

(– У Диккенса была астма, – сказала мисс Макдональд.

– Я знаю, – ответила Реджи. – Я читала по теме.)

Если у мистера Траппера бизнес и «буксовал», это было незаметно. Прелестный дом, две машины, холодильник набит дорогой едой, детка как сыр в масле катается.

Иногда по утрам, когда приезжала Реджи, мистер Траппер вел себя точно бегун на эстафете и совал детку Реджи так поспешно, что у детки от изумления пред такими пертурбациями совершенно округлялись глаза и рот. Потом Реджи и Сейди зачарованно слушали, как большой «рейнджровер» взрывает и удаляется, хрустя и плюясь гравием, словно мистер Траппер улепetyвал из ограбленного банка.

– Иногда он по утрам – вылитый медведь, – смеялась доктор Траппер.

Ее, видимо, не беспокоило, что она живет с медведем. Как с гуся вода.

Мистер Траппер и Сейди особо не общались. Разве что он говорил: «Сейди, отойди» или «Сейди, слезай с дивана». Сейди «входила в комплект», объяснил мистер Траппер

Реджи:

– Джо без Сейди не получишь.

– Любишь меня – люби и мою собаку, – говорила доктор Траппер. – Лучший друг женщины.

Тимми, Мелок, Джамбл, Лесси, Серый брат Бобби³¹. Всеобщий лучший друг. Кроме космической собаки, бедной Лайки, – с этой никто не дружил.

В иные утра мистер Траппер оставался дома и висел на телефоне. Иногда с телефоном выходил наружу покурить. Курить ему не полагалось ни в доме, ни снаружи, но, видимо, из-за телефонных разговоров у него случалось никотиновое голодание.

– Не выдавай меня, – подмигивал он Реджи, как будто доктор Траппер не чуяла дыма на его одежде и не замечала окур-

---

³¹ Тимми – дворняга, персонаж серии детских детективных романов «Великолепная пятерка» (*The Famous Five*, с 1942 г.) английской писательницы Энид Блайтон. Мелок (*Milou*) – белый фокстерьер, друг главного героя комиксов «Приключения Тинтина» (*Les Aventures de Tintin*, 1929–1986) бельгийского художника Эрже; по-русски Тинтина называли также Тентен и Тантан. Джамбл – собака Уильяма Брауна, главного героя серии книг английской писательницы Ричмал Кромптон; история знакомства Уильяма с Джамблом описана в рассказе «Джамбл», вошедшем в первый сборник рассказов об Уильяме «Просто Уильям» (*Just William*, 1922). Лесси – колли, персонаж кинофильмов, сериалов и книг, впервые появившийся в рассказе английского писателя Эрика Найта «Лесси возвращается домой» в 1938 г. (в рассказе собаку увозят из Йоркшира в Шотландию). Серый брат Бобби (*Greyfriars Bobby*) – скайтерьер эдинбургца Джона Грея, после смерти хозяина 14 лет дежурил на его могиле на Кладбище францисканских «серых братьев»; когда Бобби в 1872 г. умер, ему поставили памятник на мосту Короля Георга IV.

ков на гравии.

Реджи поневоле подслушивала: мистер Траппер разговаривал с невидимыми людьми очень громко. Он «исследует новые пути», говорил он им. У него «крайне интересные перспективы на горизонте», ему «открываются новые возможности». Говорил он напористо, но на самом деле умолял:

– Господи боже, Марк, я же тут, можно сказать, кровью истекаю.

Мистер Траппер был красив – грубоватая такая красота, слегка потрепанный жизнью мужчина; будь он просто смазлив, выглядел бы хуже. Доктор Траппер познакомилась с ним, когда была старшим регистратором «в старом Королевском лазарете», хотя мистер Траппер сам не из Эдинбурга. Он из Глазго, «глезга», смеялась доктор Траппер, хотя эдинбуржцы так говорили, чтобы оскорбить, но, может, доктор Траппер не знала – она же англичанка. Мистер Траппер долго за ней ухаживал, пока она не «сломалась» и не вышла за него. Он работал «в индустрии развлечений», но чем именно занимался, Реджи так и не поняла.

Доктор Траппер и мистер Траппер вроде бы ладили неплохо, – впрочем, Реджи особо не с чем было сравнивать, разве что с мамулей и Гэри (не вдохновляет) или с мамулей и Мужчиной-Который-Был-До-Гэри (ад кромешный). Над недостатками мужа доктор Траппер смеялась и, кажется, не раздражалась никогда.

– Джо такая добродушная – это ее до добра не доведет, –

говорил мистер Траппер. Он, со своей стороны, с грохотом влетал в дом с красивым букетом или бутылкой вина и говорил доктору Траппер: – Здравсти, красота, – точно комический глезга, и крепко ее целовал, и подмигивал Реджи, и говорил: – Не забывай, Реджи: за каждой великой женщиной стоит какой-нибудь глупак.

Обычно мистер Траппер как будто вовсе Реджи не замечал, но временами заставлял врасплох – вдруг становился очень мил, усаживал ее за стол в кухне, варил ей кофе и пытался завязать неловкий разговор. («Ну-с, расскажи мне *свою* историю, Реджи»); обычно, впрочем, не успевала она приступить к своей (довольно весомой) «истории», как звонил телефон и мистер Траппер вскакивал и давай расхаживать по кухне («Здравей, Фил, как дела? Я тут подумал – может, пересечемся, у меня возникла идеяка, хотел с тобой обсудить»).

Детку мистер Траппер звал «бебе» и часто подкидывал в воздух, отчего детка в восторге верещал. Мистер Траппер говорил, ему не терпится, когда же «бебе» научится говорить и бегать, чтоб ходить с ним на футбол, на что доктор Траппер отвечала:

– Успеется. Пользуйся каждой секундой – не успеешь оглянуться, как она пройдет.

Если детка ушибался, мистер Траппер брал его на руки и говорил:

– Да ладно, детё, все нормально, ерунда, – ободрял, но

без особого сочувствия, а доктор Траппер обнимала детку, целовала и говорила:

– Бедный малка поничка. – Это она подхватила у Реджи (а та, в свою очередь, у мамыли). Шотландские словечки выходили у доктора Траппер с (неплохим) шотландским акцентом, как будто она двуязычна.

Мистер Траппер детке нравился, а доктора Траппер детка обожал. Когда она брала детку на руки, он не сводил с нее глаз, словно запоминал малейшие детали, чтобы чуть позже сдать экзамен.

– Я для него сейчас богиня, – смеялась доктор Траппер, – а когда-нибудь стану назойливой старухой, которую надо везти в супермаркет.

– Уй, вот уж нет, доктор Т., – говорила Реджи. – Вы для него, я думаю, всегда будете божеством.

– Может, надо было тебе остаться в школе? – спрашивала доктор Траппер, и ее красивое лицо слегка мрачнело.

Вот так же она разговаривает с пациентами, думала Реджи («Вам совершенно необходимо сбросить вес, миссис Макт-эвиш»).

– Да надо было, – отвечала Реджи.

– Ну, солнышко, вылезай, – сказала Реджи, извлекла детку из стульчика и посадила на пол.

За деткой нужен глаз да глаз: вот он сидит довольный и примеривается съесть собственную толстую ножку – а вот

уже ползет по-пластунски к ближайшей опасности. Детка желал одного – все на свете запихать в рот: если поблизости лежит какая-нибудь мелочь, которой можно подавиться, детка рванет напрямик к ней, тут к гадалке не ходи, так что Реджи постоянно следила, не валяются ли где пуговицы, монеты и виноградины, которые детка особенно любил. Виноградины приходилось резать напополам – та еще работка, но доктор Траппер рассказала Реджи о пациенте, чей ребенок умер, когда у него в трахее застряла виноградина, *и никто не смог помочь*, прибавила доктор Траппер, словно это еще хуже, чем собственно умереть. Вот тогда Реджи и попросила научить ее не только приему Хаймлиха, но и дыханию рот в рот, и как останавливать артериальное кровотечение, и что делать, если ожог. И если ударило током, и если нечаянно отравился. (И если тонешь, знамо дело.)

– Можно записаться на курсы первой помощи, – сказала доктор Траппер, – но они только и делают, что бинтуют, а зачем – непонятно. Поучимся бинтовать запястья и плечи, еще повязку на голову – ничего сложнее тебе не понадобится. Надо просто знать, как спасти жизнь. – Она притащила из поликлиники манекен для реанимации, чтобы Реджи тренировалась. – Его зовут Элиот, – сказала доктор Траппер, – но все уже забыли почему.

Реджи представляла, как ребенок подавился виноградиной – как его заткнуло, точно старомодную лимонадную бутылку с пробкой, она видела такую в музее. Реджи любила

музеи. Там чисто и светло.

Мистер Траппер насчет детки не напрягался. Утверждал, что младенцы «практически неуничтожимы» и что доктор Траппер чересчур нервничает, «хотя чего еще ждать, с ее-то историей». Реджи не знала историю доктора Траппер (воображала, как говорит: «Ну-с, расскажите мне *свою* историю, доктор Т.», но звучало неубедительно). Реджи знала только, что на книжной полке у доктора Траппер в гостиной обитал Уильям Моррис, а отец был официально объявлен мусором и ютился наверху в лавке древностей. Сама Реджи считала, что уничтожить младенца – раз плюнуть, и после истории про виноградину ее не отпускал страх, что детка задохнется. Хотя чего еще ждать, с ее-то историей? («Дышать, – говорила доктор Траппер. – Главное – дышать».)

Иногда ночами, лежа в постели, Реджи задерживала дыхание, пока легкие вот-вот не лопнут, – хотела почувствовать, каково это, представляла мать под водой и как волосы держат ее, будто неизвестные науке таинственные водоросли.

– Когда тонешь, долго умираешь? – спросила она доктора Траппер.

– Ну, от многого зависит, – ответила та. – Температура воды и так далее, но если приблизительно, минут пять-десять. Недолго.

Довольно долго.

Реджи поставила деткины тарелки в сушилку. Раковина

была у окна, а окно выходило на поле у подножия Блэкфордского холма. Иногда в поле бродили лошади – а иногда никаких лошадей. Куда они девались – непонятно. Стояла зима, и лошади ходили гулять в болотного цвета пополах, точно в водонепроницаемых куртках «барбур».

Порой, если доктор Траппер возвращалась пораньше, до зимней темноты, они брали собаку и детку в поле, и детка ползал по колючей траве, Реджи гонялась за Сейди, потому что Сейди обожала, когда за ней гоняются, доктор Траппер смеялась и говорила детке: «Давай беги, беги как ветер!» – а детка смотрел на нее недоуменно – он, знамо дело, понятия не имел, что такое «бегать». Лошади, если были в поле, не приближались, будто сами бежали – они ведь должны бегать, – только втайне от всех.

Лошади были крупные, мускулистые, и Реджи не нравилось, как загибаются губы над желтыми лошадиными зубами, – она воображала, как они принимают взбалмошный детский кулачок за яблоко и откусывают его от запястья.

– Меня лошади тоже беспокоят, – сказала доктор Траппер. – Они все время такие *грустные*, да? Хотя собаки грустнее. – Реджи казалось, что собаки-то как раз вполне довольны жизнью, но доктор Траппер, знамо дело, находила ростки грусти повсюду. – Как грустно, – говорила она, когда листья облетали с деревьев. – Как грустно, – когда по радио передавали песню (Бет Нильсен Чэпмен³²). – Как грустно, – когда

---

³² Бет Нильсен Чэпмен (р. 1956) – американская кантри-поп-певица и автор

Сейди тихонько скулила, видя, что доктор Траппер собирается уходить. Даже в деткин день рождения, когда все они были так счастливы, ели пирожные и розовое мороженое, по дороге домой доктор Траппер сказала: – Первый день рождения – как грустно, он больше никогда не будет крохой.

На день рождения Реджи подарила детке плюшевого мишку и слюнявчик с вышивкой: синие утки и надпись «Мой первый день рождения». Все первое приятно, чего не скажешь о последнем.

Часто после приступов грусти доктор Траппер встряхивала головой, словно что-то из нее выбрасывала, улыбалась и говорила:

– Однако мы не падаем духом. Правда, Реджи? – И Реджи отвечала:

– Да уж, доктор Т., мы не падаем.

– Зови меня Джо, – сказала ей доктор Траппер. – Труля-люшки, тру-ля-ля, муха вышла за шмеля³³, – сказала она детке.

Реджи не рассказывала доктору Траппер о мамуле, о том, что мамуля умерла, – такой грусти доктору Т. не вынести, даже если не говорить, какая трагическая и бессмысленная это была смерть. Всякий раз, глядя на Реджи, доктор Траппер будет печалиться – это невыносимо. Поэтому Реджи сочинила себе мать. Мать звали Джеки, она работала на кас-

се в супермаркете, в торговом центре, куда доктор Траппер никогда не ходила. В молодости мать была чемпионкой по танцам горцев (сейчас ни за что не догадаешься). Ее лучших подруг звали Мэри, Триш и Джин. Она вечно собирается сесть на диету, у нее длинные волосы (замечательные, жалко, что Реджи их не унаследовала) – мать говорит, будет теперь забирать их наверх, слишком она стара, чтоб носить распущенными. Ей в этом году тридцать шесть, как доктору Траппер. В шестнадцать обручилась с отцом Реджи, в семнадцать родила Билли, а в двадцать овдовела. Оно и к лучшему, что мамуля все успела так рано, считала Реджи.

Джеки ужасно выходит на фотографиях – вечно корчит дурацкие рожи перед объективом. Ее любимая присказка – «да уж, странный у нас мирок», и говорится это снисходительно, будто о маленьком шалуне. Она читает Даниэлу Стил, а ее любимые цветы – нарциссы, и еще она замечательно печет пастуший пирог. Вообще-то, ни слова лжи. Кроме того, что мамуля жива.

Реджи вытирала поддон в сушилке и тут заметила, как на дальнем краю поля что-то шевелится. Солнце сегодня и носу не казалось, не разглядишь в такой дали, одни размытые силуэты. Не лошадь – не лошадиный сегодня день, их загадочные жизни протекали не здесь. Кто-то, что-то – просто черное пятно – трусило вдоль изгороди. Реджи глянула на собаку – может, собачьи инстинкты что-нибудь подскажут, – но Сей-

ди стоически сидела на полу подле детки, а тот запихивал в рот ее хвост.

– Нет уж, мистер, так не пойдет, – сказала Реджи, мягко высвободила из детского кулачка клочок шерсти и взяла детку на руки.

Подошла с ним к окну, но смотреть больше было не на что. Детка вцепился ей в волосы – волосы он драл ужасно.

– Атавистический инстинкт, я так думаю, – говорила доктор Траппер. – С тех времен, когда я скакала бы по деревьям, а он бы цеплялся за мою шерсть что было сил.

Только вообразить, как доктор Траппер, такая ухоженная, в черном рабочем костюме, скачет по деревьям, – обхохочешься. Слово «атавистический» Реджи пришлось проверять по словарю. Повода употребить его пока не представилось. Реджи как раз читала букву «а», так что слово прекрасно встроилось в ее программу расширения лексикона.

В последнее время Реджи завела привычку все дольше и дольше задерживаться у Трапперов, а мистер Траппер между тем отсутствовал все чаще и чаще.

– Он что-то затевает, какое-то новое предприятие, – бодро поясняла доктор Траппер. Похоже, она радовалась, что Реджи не уезжает. Вдруг взглядывала в окно и говорила: – Господи, Реджи, темно-то как, тебе же домой пора, – но потом прибавляла: – Ненавижу эту мерзкую погоду. Может, еще чаю? – Или: – Останься поужинать, а потом я тебя от-

везу.

Реджи надеялась, что в один прекрасный день доктор Траппер скажет: «Зачем тебе домой? Переезжай к нам», и они станут настоящей семьей: доктор Траппер, Реджи, детка и собака. («Нил» в эти грезы о семейной жизни как-то не вписывался.)

В один из таких вечеров, когда доктор Траппер и Реджи купали детку, *à propos* (еще одно новое слово) вообще ничего, доктор Траппер повернулась к Реджи и сказала:

– Ты ведь знаешь, что правил нет, – а Реджи сказала:

– Правда? – потому что с ходу могла выдать целую сотню – резать виноградины напополам, надевать шапочку, когда плаваешь, не говоря уж о сортировке мусора для последующей переработки. В отличие от мисс Макдональд, доктор Траппер относилась к переработке мусора очень серьезно.

Но доктор Траппер сказала:

– Нет, не таких правил. Как проживать жизнь – таких. Нет шаблона, нет плана жизни. Никто не смотрит, правильно ли мы поступаем, нет никакого «правильно», мы сами все придумываем по ходу дела.

О чем она толкует? Реджи не совсем поняла. Ее отвлекал детка – он бухтел и плескался, точно полоумное морское чудо-юдо.

– Реджи, надо помнить одну вещь: важнее всего любовь. Понимаешь?

Ну, это нормально – чуток в духе Ричарда Кёртиса³⁴, но ничего.

– Яснее некуда, доктор Т., – ответила Реджи и взяла с батареи нагретое полотенце.

Доктор Траппер вынула детку из воды – детка был скользкий, хуже рыбы, – и Реджи его закутала.

– «Зная: когда погаснет свет, Любовь остается сиять», – сказала доктор Траппер. – Красиво, да? Это Элизабет Барретт Браунинг написала своей собаке.

– Флашу, – сказала Реджи. – Вирджиния Вулф о нем книжку сочинила³⁵. Я читала по теме.

– Когда все исчезает, любовь остается, – сказала доктор Траппер.

– Ну знамо дело, – сказала Реджи.

Да только что проку? Вовсе никакого.

---

³⁴ Ричард Уэлли Энтони Кёртис (р. 1958) – британский сценарист, продюсер и кинорежиссер; по его сценариям поставлены романтические комедии «Четыре свадьбы и одни похороны» (*Four Weddings and a Funeral*, 1994), «Ноттинг Хилл» (*Notting Hill*, 1999) и «Дневник Бриджит Джонс» (*Bridget Jones's Diary*, 2001), а сам он по своему же сценарию поставил фильм «Реальная любовь» (*Love Actually*, 2003).

³⁵ Имеется в виду роман английской писательницы Вирджинии Вулф (1882–1941) «Флаш: биография» (*Flush: A Biography*, 1933) – модернистская псевдобиография кокер-спаниеля английской поэтессы Элизабет Барретт Браунинг (1806–1861), написанная на основе переписки Браунинг с мужем, поэтом Робертом Браунингом, и ее стихотворений, одно из которых, «Флашу, моей собаке» (*To Flush, My Dog*, 1844), цитируется выше.

Ad Augusta per Angusta³⁶

Это у нас, значит, живописный маршрут. Уж лучше кружным путем. Джексон мысленно приподнял шляпу перед всеми тремя «Дикси Чикс»³⁷.

Навигатор по причинам, известным ему одному, в пяти милях от деревни работать отказался. Видимо, где-то они свернули не туда, потому что Джексон очутился на однокорейке, что лениво петляла по пустынной долине. Мобильный не ловит, а радио уже некоторое время только трещит и шипит. В плеере остался диск, забытый предыдущим арендатором, – что должно случиться, недоумевал Джексон, отчего мне так отчаянно захочется услышать человеческий голос, чтоб я стал слушать Энию?³⁸

Надо было взять айпод – слушал бы песни о разбитых сердцах, искуплении и добродетелях простого люда. И зря он выбросил карту; хотя вряд ли эти дороги подчинялись картографии. Если б не столб милей раньше, дорожным знаком

---

³⁶ Зд.: через теснины к вершинам (*лат.*).

³⁷ «Дикси Чикс» (*Dixie Chicks*, с 1989 г.) – американская женская кантри-группа, в которую на момент описываемых событий входили Марти Эрвин Магуайр (р. 1969), Эмили Эрвин Робинсон (р. 1972) и Натали Мейнз (р. 1974). Цитируется их песня «Кружным путем» (*The Long Way Around*) с альбома «Поеду кружным путем» (*Taking the Long Way*, 2006).

³⁸ Эния (Энья Патриша Ни Бреннан, р. 1961) – ирландская нью-эйджевая певица и композитор.

заверивший Джексона, что они едут куда надо, он бы уже свернул. (Впрочем, стоит ли доверять знакам?)

Угрюмая красота пейзажа будила в Джексоне уныние, которое лучше бы наружу не выпускать. Здравствуй, мрак, мой старый друг³⁹. Прагматику без капли воображения, счастливому кретину жить проще. «Насчет кретина – это ты угадал», – подтвердил голос его бывшей жены Джози в голове.

Дорога на этой земле натягивалась туго и, если не считать редких нырков, взбиралась все выше. Ходи Джексон пешком (господи спаси и сохрани), он бы называл себя в единственном числе, а в машине становился множественным. Они, мы, нас. Мы с машиной, биомеханический сплав человека с транспортом. Паломники на трассе Господней.

Они были одни. Ни единой машины вокруг. Ни тракторов, ни «лендроверов», ни других странников на сих высоких равнинах, вообще никаких больше путников. И ни ферм, ни овчарен – лишь трава, голый известняк и издохшее декабрьское небо. Дорога в никуда.

Однако немало отважных овец бродило вокруг, сторонясь опасностей, которыми угрожала неуклонно к ним приближавшаяся чертовски здоровая «дискавери». На этом грозовом перевале овцы наверняка ягнятся поздно. Может, уже вынашивают. О суягности Джексон раньше не задумывался –

---

³⁹ «Hallo darkness my old friend» – цитата из песни «Звук тишины» (*Sound of Silence*, 1965) американского фолк-рок-дуэта Пола Саймона и Арта Гарфанкела, написанной после убийства президента США Дж. Ф. Кеннеди.

удивительно, до чего доводят одинокие странствия. Дочь его недавно объявила, что обратилась в вегетарианство. В ассоциативном тесте Джексон на слово «ягненок» машинально ответил бы «мятный соус», а Марли – «невинный». Убиение невинных агнцев. Ее растили атеисткой, а она изъясняется как мученица. Наверное, католицизм – это что-то генетическое, в крови.

– Стать вегетарианцем – это у нынешних подростков такой переходный обряд, – сказала Джози, когда он приезжал в Кембридж в августе. – У нее все подружки отказались от мяса.

Не будет, значит, у отца с дочерью разговоров по душам за гамбургером.

– Да-да-да, мясо – убийство, это я все знаю, – сказал он, когда они сели за столик в кафе, которое выбрала Марли, «Семена», что ли, или «Корни». (Джексон, к ее досаде, обозвал его «Сорняки».)

Он мечтал о сэндвиче с говядиной и горчицей, но пришлось довольствоваться резиновым бурым рулетом с анемичной начинкой – Джексон думал, это яйца, но выяснилось – о ужас, о кошмар, – что это «болтунья из тофу».

– Ням-ням, – сказал он, а Марли ответила:

– Пап, не надо цинизма. Он тебе слишком идет.

Когда его дочь выучилась говорить как женщина? Год назад скакала, точно трехлетка, по дорожке вдоль реки до Грантчестера (где, если ему не изменяет память, съела салат с ветчиной в чайной «Фруктовый сад» и нисколько не угры-

залась, что поедает поросенка Бейба). А теперь эта девочка рванула вперед и исчезла за горизонтом. Отвернешься на минуту – а их уж нет.

Когда у тебя дети, отсчитываешь годы по ним. Не «мне сорок девять», а «моему ребенку двенадцать». У Джози теперь второй ребенок, тоже девочка, два года, как Натану. Каждого из двух с единоутробной сестрой Марли связывает по одной нити ДНК. Натан на Джексона не похож – да и пожалуйста, это ведь не значит, что Натан ему не сын. И Марли на него не похожа. Джулия уверяла, что Натан не от него, но кто и когда верил тому, что говорит его бывшая подруга? Джулия – врунья от природы. И к тому же, понятно, актриса. Поэтому, когда она проникновенно взглянула ему в глаза и сказала: «Нужное слово, Джексон, это не твой ребенок, я правду говорю, зачем мне врать?» – инстинкт подсказал ему ответить: «А зачем тебе менять привычки?» Она не стала спорить (*Я спорю только с теми, кто мне нравится*, однажды сказала она) – только посмотрела жалостливо.

Он хотел сына. Сына – учить тому, что знает, учить учиться тому, чего не знает. Дочь он ничему не мог научить – она уже знала больше его. И он хотел сына, потому что он мужчина. Проще простого. Он вспомнил вдруг, как накатило, когда он коснулся головы Натана. Вот такие вещи и лишают жизненных сил навеки.

Да и вообще, сказал он Джози, с каких это пор двенадцать – подросток?

– Подросток – это тринадцать, четырнадцать, пятнадцать. Ей всего двенадцать.

– Тут важно, что двузначное число, – обронила Джози. – Они теперь начинают рано.

– Что начинают?

Сам Джексон пережил подростковый возраст, даже не заметив. В двенадцать мальчишка, в шестнадцать пошел в армию и стал мужчиной. В промежутке бродил долиною смертной тени⁴⁰, и утешаться ему было нечем. Он надеялся, у дочери эти годы будут солнечными. В кармане куртки лежала ее мятая открытка – в каникулы она ездила на школьную экскурсию в Брюгге. На открытке – живописный канал и старые кирпичные дома. В Бельгию Джексона никогда не тянуло. Открытку он переложил из старой кожаной куртки в маскировочную «Норт фейс», сам толком не знал зачем, – но послание дочери, хоть и банальная принудиловка («Милый папа, в Брюгге очень интересно, тут много красивых зданий. Идет дождь. Съела гору картошки и шоколада. Скучаю! Люблю! Марли ХХХ»), выбрасывать как-то неуместно. Правда скучала? Жизнь ее так полна, подозревал Джексон, что его отсутствие незаметно.

Всклокоченная овца, выдавшая виды баранины, решительно воздвиглась на дороге, будто наемный стрелок в ожидании, когда наступит ровно полдень. Джексон притормозил,

---

⁴⁰ Пс. 22: 4.

остановился и подождал. Овца не шевелилась. Он подавил на гудок, но овца и ухом не повела, жевала себе траву, безмолвная, как дряхлый табачник. Может, глухая. Джексон вылез из машины и угрожающе посмотрел на овцу.

– Ну, ты стрелять будешь или «Дикси» свистеть?⁴¹ – спросил он.

В глазах у овцы мелькнул интерес, затем она снова задвигала челюстями.

Он попробовал ее сдвинуть. Овца сопротивлялась, упираясь всем своим глупым весом. Почему она его не боится? Он бы на ее месте испугался.

Потом он попытался сдвинуть ей зад, ухватиться покрепче и переставить ей ноги, но не вышло – овцу как будто приварили к земле. Лоб в лоб тоже не получилось. К счастью, вокруг ни души – никто не видит этот нелепый спарринг. А врезать ей между глаз – это этично? В поиске новых тактических решений Джексон отступил.

В конце концов он решил подсесть овцу под передние ноги, но сам потерял равновесие и растянулся. По бледному зимнему небу дрейфовало облачко еще бледнее, белое и мяг-

---

⁴¹ Цитата из вестерна Клинта Иствуда «Джози Уэйлз – человек вне закона» (*The Outlaw Josie Wales*, 1976); Джози Уэйлз (Клинт Иствуд), воевавший за армию Конфедерации, произносит ее, случайно столкнувшись с преследующими его бывшими солдатами-северянами. «Дикси» (*Dixie's Land*), американская песня не вполне определенного авторства (вероятнее всего – Дэниэла Декатура Эмметта), во время Гражданской войны в США была неофициальным гимном Конфедерации.

кое, как ягненок. Лежа навзничь, Джексон следил, как оно ползло через всю долину. Когда холод пробрал до костей и уже взялся за костный мозг, Джексон вздохнул, встал и отсалютовал противнику.

– Ты выиграла, – объявил он овце.

Забрался в машину, включил плеер и поставил Энию. Проснулся – вокруг никаких овец.

Да уж, на карте этой глуши не найдешь. Небо налилось свинцом и вот-вот извергнет снег. Все выше, выше, в вышину, к таинственной вершине. В град небесный. Дорогу то и дело преграждали ворота – мучительно всякий раз выходить из машины, открывать, закрывать за собой. Это, наверное, чтобы овцы не разбегались. А пастухи-то еще есть? Заросший бородой мужик в самодельном овчинном тулупе сидит под звездами на травянистом склоне, в руке посох с бараньим рогом, стережет волков, что на пузах подбираются к стаду, – примерно так Джексон представлял себе пастуха. Сам удивлялся, до чего поэтично, подробно и ненатурально. На самом-то деле сплошь тракторы, гормоны и химобработка. И давно пропали волки – во всяком случае, те, что в волчьих шкурах. Джексон и сам пастух, нет ему покоя, пока стадо его не посчитано, не загнано в спасительную овчарню. Таково призвание его и проклятие. Служить и защищать.

Судя по снегомерным вехам у дороги, снега тут наваливается на три метра. Джексон опасливо покосился на небо – не

хотелось бы застрять в пургу, никто же не найдет. Придется окопаться до весны, постричь пару овец на одеяла. Никто не знал, что он здесь, он никому не сказал, что уезжает из Лондона. Если заблудится, если что-нибудь с ним случится, никто не знает, где искать. Если б тот, кого он любит, потерялся, Джексон землю бы носом рыл, но есть ли такие, кто станет рыть носом землю ради него, – большой вопрос. (*Я тебя люблю*, говорила она, но еще неизвестно, крепка ли ее любовь.)

Он миновал заборный столб – на верхушке крестоцветом застыла какая-то хищная птица, ястреб, что ли, или сокол. Джексон в птицах не разбирался. Канюков, впрочем, узнал – два черных, почти бумажных силуэта лениво кружили над пустошью, будто на посадку заходили. *Коль не был тчив живучи ты и сто ноцей спустя, наг и бос пройди кусты; Христос приимет тя.* Господи, а это откуда взялось? Из школы, ну понятно. В детстве Джексон застал моду на зубрежку. «Поминальная песнь»⁴². Первый год в средней школе, жизнь еще не сошла с рельсов. Он вдруг увидел воочию, как под вечер стоит перед угольной печкой в их домишке, читает стих, завтра будут спрашивать. Сестра Нив слушает, поправляет, словно катехизис вбивает ему в башку. Он почуял уголь, почувствовал, как жарко голым ногам, – он в шерстяных штанишках серой школьной формы. Из кухни пахнет простец-

---

⁴² Выше и ниже цитируется народная английская «Поминальная песнь» (*Lyke-Wake Dirge*) – подробный рассказ о странствии души умершего.

кой едой – мать что-то готовит к чаю. Если Джексон забывал слова, Нив била его по ноге линейкой. Вот так вспоминаешь – поразительно, сколько было дома бездумной жестокости (и сестра ничем не лучше отца и брата), тычки и затрешины, дергали за волосы, таскали за уши, «крапивку» делали – богатый лексикон насилия. Только так и выражалась любовь. Может, потому, что из шотландских и ирландских генов, перемешанных родителями, получился неудачный коктейль. Может, потому, что денег не хватало, а жизнь в шахтерском городке тяжела. А может, им просто нравилось друг друга мучить. Джексон в жизни не ударил ни женщину, ни ребенка – разрешил себе лупить только собратьев по полу.

*Прочь отселе ты ступай, и сто ночей спустя ты при-
дешь в Тернистый Край – Христос примет тя.*

Терн – такие кусты колючие, это Джексон помнил. Господи боже, самое оно первогодке зубрить панихиду. Молодцы учителя. Что же мы узнаем из этого о характере йоркширца? И не просто панихида – странствие трупа. Испытание. Что посеешь, то и пожнешь. Чего себе желаешь, того и другому твори. В этой жизни обувку отдашь – в следующей будешь обут на пути через шипастую пустошь. *В эту ночь, в ночь
всех ночей и сто ночей спустя дом, очаг и свет свечей – Хри-
стос примет тя.* Джексон содрогнулся и включил печку.

Похоже, на дороге в никуда он все-таки был не один. Впе-
реди замаячил кто-то – пеший, идет навстречу. Вот так сюр-

приз – на секунду почудилось, что это мираж, слишком долго на дорогу смотрел, однако нет, не фантом, натуральный человек, более того – женщина. Подъезжая, Джексон притормозил. Не спортсменка, не туристка – в длинном кардигане, блузке и юбке, в каких-то, кажется, мокасынах. Погоде уступила лишь слегка – небрежно намотала на шею шарф, ручная вязка. Лет сорок, решил Джексон, волосы – темным седеющим пучком, смахивает на библиотечаршу. А библиотечарши – они оправдывают стереотип? Или предаются неистовому сексу за каждым шкафом и в каждом зале? Джексон уж сколько лет не переступал порога библиотеки.

Женщина как женщина, посмотришь – не заметишь. И собачки нет. Руки в карманах кардигана. Она не шла – она *прогуливалась*. Из ниоткуда в никуда. Ерунда какая-то. Он остановился и опустил окно.

Женщина приблизилась, улыбнулась ему и кивнула.

– Вас подвезти? – спросил он. (*«Никогда не садись в машину к незнакомцам, даже если потерялся незнамо где, даже если они говорят, что знают твою маму, что у них щенок на заднем сиденье, что они из полиции».*)

Женщина мило засмеялась – ни страха, ни подозрений – и покачала головой.

– Вы едете не туда, – сказала она. Акцент местный. Она махнула рукой туда, откуда он приехал. – Мне уже близко.

– Снег вот-вот пойдет, – сказал Джексон.

Почему она без пальто, их что тут – нарочно крепкими

такими растят?

Она глянула на небо:

– Да нет, вряд ли. Не волнуйтесь, – попрощалась эдаким полувзмахом и продолжила свою неурочную прогулку.

Не увязываться же за ней, ни пешком, ни на машине, – решит, что он маньяк. Наверное, на ферму идет, которой он не заметил. Может, ферма в низине или за холмом. Или невидимая.

– Как мы в этих краях говорим, – сообщил он «дискавери», – диковиннее человека не бывает диковин.

День смурнел – какова-то окажется темнота, когда зимнее солнце наконец капитулирует. Вероятно, глухая будет темень в этой глухомани. Джексон включил фары.

В зеркале заднего вида он понаблюдал, как женщина все уменьшается, уменьшается, пока вовсе не исчезла в густеющих сумерках. Ни разу не обернулась. Будь он библиотечаршей в библиотечарских мокалинах – обернулся бы непременно.

Вот он, человек в пути, человек, который стремится домой. Дело не в том, чтобы ехать, – приехать ведь надо. Все стремится попасть домой. Все, повсюду и всегда.

Стемнело. Он катил дальше – бедный странствующий чужак. Куда его несет? Из мира этого в мир иной? *Вы едете не туда*, сказала она. В смысле – ей нужно не туда. Она ведь об этом? Или то было послание? Знак? Может, он и впрямь едет

не туда – то есть не куда? Где-то ведь должна закончиться эта дорога – хотя бы там, где началась.

– Не надо, – вслух сказал он себе. – Экзистенциальной херни этой – не надо. – *Если я пойду и долиною смертной тени.*

И едва он решил, что навеки заблудился в Сумеречной Зоне, как они перевалили холм и внизу замерцали огни на А1 – затерянное шоссе, гигантская серая логическая артерия, что перегоняет машины из одной известной точки в другую. Аллилуйя.

Сама купит цветы⁴³

Смотается в город, зайдет к «Максвеллу» на Касл-стрит, попросит флориста соорудить что-нибудь поэлегантнее. В голубых тонах, для гостиной – композицию в корзине на подложке, поставить на камин – шпорник-то у них найдется? Или поздновато для шпорника? Не важно, конечно, какой на дворе сезон, – флористы не в саду цветы рвут, а заказывают в голландских теплицах. И в Кении. Цветы разводят в Кении, где, наверное, и людей поить нечем, не говоря уж цветы поливать, а потом эти цветы грузят в самолеты, которые выбрасывают в атмосферу тонны углекислоты. Так не годится, но цветы ей нужны.

Бывают ли цветы *нужны*? В честь помолвки пошли за кольцом в «Алистир Тейт» на Роуз-стрит, и Патрик сказал ювелиру:

– Этой красавице нужен крупный бриллиант.

Сейчас вспомнить – пошло, а тогда показалось – обворожительно. Ну как бы. Патрик выбрал старый бриллиант в новой оправе – какой несчастный придурок, размышляла Луиза, в стародавние времена выкопал его в сердце тьмы? Теперь ее руки в крови.

---

⁴³ Фрагмент первой фразы романа Вирджинии Вулф «Миссис Дэллоуэй» (*Mrs Dalloway*, 1925): «Миссис Дэллоуэй сказала, что сама купит цветы». Пер. Е. Суриц.

Патрик – хирург-ортопед и привык быть за главного.

– Ортопедия – сплошь молотки и стамески. Я – продвинутый столяр, – пошутил он, когда они только познакомились, однако он был виртуоз, мог бы сколотить состояние на частной практике, но целыми днями вставлял пациентам штифты в государственной клинике. («В детстве с конструктором не наигрался».)

Луизе врачи никогда не нравились: поучишься в университете с медиками – больше никогда не доверишься врачу. (А Джоанна Траппер, значит, исключение?) И как они получают, врачи? Берут детей среднего класса, у которых неплохо с наукой, шесть лет обучают их еще каким-нибудь наукам и потом напускают на людей. А люди – не наука, люди – неразбериха и грязь.

– Ну, можно и так посмотреть, – смеялся Патрик.

Они познакомились из-за несчастного случая – ну конечно, как еще полицейским знакомиться с людьми? Два года назад Луиза ехала по М8 в Глазго на совещание в полиции Стрэтклайда и на другой стороне увидела аварию.

Оказалась на месте первой, прежде «скорой», но чем тут поможешь? Фура въехала в зад маленькой двухдверке, детские сиденья сзади – в лепешку, за рулем была мать, ее сестра-подросток сидела рядом. Машина стояла в хвосте у каких-то дорожных работ перед временным светофором. Водитель фуры не увидел указателя дорожных работ, не увидел хвоста из машин и заметил крошечную двухдверку лишь

мельком, влетев в нее на шестидесяти милях в час. Водитель набирал СМС. Классика. Луиза арестовала его на месте преступления. Предпочла бы прямо там и убить. А лучше медленно переехать его же фурой. Она замечала, что становится кровожаднее прежнего (а это кое о чем говорит).

Двухдверку и всех, кто был внутри, расплющило всмятку. Луиза была самая маленькая, самая худенькая и потому («Может, попробуете, босс?») просунула руку в щель, когда-то бывшую окном, – нащупать пульс, пересчитать тела, найти документы. Они и не знали, что сзади были дети, пока Луиза не коснулась обмякшей ладони. Взрослые мужики рыдали, в том числе и дорожный полицейский, он же офицер по работе с семьями, а старушка Луиза – черствый тертый калач – обняла его и сказала:

– Ну слушай, мы же просто люди, – и вызвалась сообщить родственникам, а это, несомненно, худшая работа на земле.

Луиза стала малодушнее. Кровожаднее, но малодушнее.

Спустя неделю она пошла на похороны. Всех четверых. Невыносимо, но надо вынести, потому что людям так положено – терпеть и идти дальше. День за днем брести шаг за шагом. Если б у нее погиб ребенок, Луиза бы эту волюнку не тянула – прекратила бы разом, полегче и поаккуратнее, чтоб спасателям потом не возиться.

На семнадцатилетие Арчи хотел уроки вождения, и Патрик сказал:

– Это ты хорошо придумал. Если сдашь экзамены, купим

тебе пристойную подержанную лошадку.

А Луиза размышляла, как бы так сделать, чтобы Арчи никогда не сажился за руль. Может, удастся залезть в базу данных Агентства по делам водителей и транспорта и как-нибудь приостановить его ученические права? Она старший инспектор, ей не зазорно, – в конце концов, полиция есть аверс преступности.

Водитель машины впереди тоже сильно пострадал, и долгие часы в операционной Патрик собирал ему ногу. Водителя фуры, у которого даже синяков не было, приговорили к трем годам – уже, наверное, вышел. Луиза вырезала бы у него органы без наркоза и раздала приличным людям. Так, во всяком случае, она сказала потом Патрику за чашкой мерзопакостного кофе в столовой для больничного персонала.

– Жизнь случайна, – ответил Патрик. – Только и остается, что осколки подбирать.

Он не полицейский, но их брак не мезальянс. Патрик все понимал.

Он ирландец – оно всегда к лучшему. Мужчина с ирландским акцентом умеет казаться мудрым, поэтичным и интересным, даже если это лишь видимость. Но Патрик таким и был.

– В данный момент – между женами, – сказал он, и она засмеялась. Она не хотела бриллианта, ни большого, ни маленького, но все равно получила. – Сможешь продать, когда

со мной разведешься, – сказал он.

Ей нравилось, как он берет все в свои руки, властно так, ереси ее не терпит, но всегда дружелюбен с еретичкой, словно она драгоценна, однако не без изъяна, а изъяны можно починить. Ну конечно, он ведь хирург, он думает, все можно починить. Изъяны не починишь. Она – золотая чаша, рано или поздно трещина проявится. И кто тогда подберет осколки?

Она впервые в жизни уступила власть. И что? Почва из-под ног уходит, вот что.

Или букет в столовую. Некрупный и красный. Под красные узоры на ковре. Только не розы. Красные розы подают не те сигналы. Какие сигналы они подают, Луиза толком не знала, но сигналы явно не те.

– Не перенапрягайся, – смеялся Патрик.

Но она всего этого не умела – если не напрягаться, ничего не выйдет.

– Я не умею отношения, – сказала она в первое утро, когда они проснулись в одной постели.

– Не умеешь или не хочешь? – спросил он.

Он сломил ее сопротивление, будто она нервный мустанг. (А вдруг он просто ее сломал?) Шажок за шажком, потихоньку-полегоньку – ага, попалась! Укрощение строптивой. Упрямой как баран. Бараны – мохнатые безропотные твари, они не заслужили такой репутации.

Он-то знал, что делает. Он пятнадцать лет был счастливо женат, а десять лет назад орава подростков в угнанной тач-

ке пошла на обгон на однополосном участке А9 и врезалась в лоб «поло» его жены. Того, кто изобрел колесо, пора призвать к ответу. Саманта. Патрик и Саманта. Вот *ее* он не смог починить.

Время еще есть – она успеет купить цветы, зайти в «Уэйтроуз» в Морнингсайде, ужин приготовить. Морской судак с зеленой чечевицей, для начала – дважды запеченное суфле из рокфора, лимонные пирожные на десерт. Зачем упрощать, если можно усложнить до предела? Она ведь женщина – значит, говоря строго, способна на все. Суфле из рокфора – рецепт Делии Смит⁴⁴. Взлет и падение буржуазии. Ха-ха. О господи. Что с ней творится? Она становится нормальной.

От усталости все гудело – вот в чем беда-то. (Почему? С чего она так устала?) В прошлой жизни, когда ее красоту еще не поверили размером бриллианта, она бы начислила себе (огромный) стакан, заказала пиццу, вынула контактные линзы, закинула бы ноги повыше и смотрела бы всякую муть по телевизору, а теперь носится, как муха синезада, переживает из-за шпорника и стряпает по рецептам Делии. А вдруг это необратимо?

– Можем отменить, – сказал Патрик по телефону. – Это все мелочи, а ты устала.

Может, ему и мелочи, а ей крупнее не бывает. Сестра Патрика и ее муж приезжают из Борнмута или Истборна, что-

---

⁴⁴ Делия Смит (р. 1941) – британский шеф-повар, ведущая телепрограмм и автор кулинарных книг.

то в этом духе. Ирландская диаспора. Вездесущи, как шотландцы.

– Дашь им бутербродов с сыром – или закажем что-нибудь, – сказал Патрик.

Ничем его не пронять. А они что подумают, если она не расстается? Они пропустили свадьбу, – впрочем, свадьбу все пропустили. Сестра (Бриджет) из-за этой свадьбы и так огорчилась.

– Только мы вдвоем в загсе, – сказала Патрику Луиза, наконец сломавшись и ответив «да».

– А как же Арчи? – спросил Патрик.

– Надо звать Арчи?

– Да, Луиза, он твой *сын*.

Собственно говоря, Арчи вел себя прилично, держал кольцо, приглушенно, застенчиво хлопал, когда Луиза произносила: «Согласна». Джейми, сын Патрика, не приехал. Он археолог, аспирант, был на раскопках в какой-то богом забытой дыре. Любитель активного отдыха – лыжи, серфинг, подводное плавание; «настоящий мальчик», как выражался Патрик. В отличие от Луизиного мальчика, ее маленького Пиноккио.

Свидетелями привели двух человек из кортежа следующей свадьбы и в благодарность выдали обоим по бутылке доброго виски. Луиза надела платье из шелка-сырца – консультант в «Харви Николс» называл этот цвет «устричным», хотя Луизе казалось – серый и серый. Но платье было кра-

сивое, не вычурное и открывало ноги, а ноги у Луизы хороши. Патрик заказал цветы (Луиза не стала бы морочиться): старомодный букетик розовых роз для нее и розовые бутоньерки для себя и Арчи.

Пару лет назад, когда она только познакомилась с Патриком, а Арчи совсем пошел вразнос, Луиза отправилась к психотерапевту, хотя клялась, что никогда в жизни. Никогда не говори «никогда». Пошла ради Арчи: думала, что, может, его проблемы происходят из ее проблем, что, стань она матерью получше, ему будет полегче жить. И ради Патрика: ей казалось, он – ее шанс измениться, стать как все.

Это была когнитивно-поведенческая терапия, которая во мраке Луизиной психопатологии, слава богу, особо не лезла. Главный принцип: научись избегать негативных мыслей – и у тебя появятся ресурсы для более позитивного подхода к жизни. Терапевт, прихиппованная доброхотка и, похоже, вязальщица по имени Дженни, велела Луизе представить место, где все негативные мысли можно спрятать, и Луиза вообразила сундук на дне морском, каких алчут пираты в книжках, – окованный железом, запертый на висячий замок; в сундуке таились не сокровища, а бесполезные Луизины мысли.

Чем подробнее, тем лучше, сказала Дженни, и Луиза подкинула на жесткий песок ракушек и кораллов, а сундук облепили морские уточки, любопытные рыбы, и акулы тыкались в него носами, омары и крабы ползали по нему, в при-

ливных течениях колыхались водоросли. Она стала экспертом по замкам и ключам и научилась возвращаться в свой подводный мир по щелчку мысленного выключателя. Беда была в том, что, едва все негативные мысли погребены на дне морском, ничего больше у тебя не остается – никаких позитивных соображений.

– Наверное, я вообще не очень-то позитивна, – сказала она Дженни.

Думала, Дженни возразит, по-матерински притянет к трикотажной груди и скажет, что с Луизой все будет хорошо, нужно только немножко времени (и денег). Но Дженни согласилась:

– Наверное.

Луиза бросила к ней ходить, а вскоре приняла предложение Патрика.

Арчи теперь учился в Феттес-колледже. Два года назад, в четырнадцать, он балансировал на краю – мелкое воровство, прогулы в школе, проблемы с полицией (ах, какая ирония), но она видела такое не раз и понимала, что, если не придушить в зародыше, все это станет не просто этапом, но образом жизни. Арчи был готов к переменам – иначе бы ничего не вышло. Обучение стоило непомерно – Луиза платила деньгами, полученными по страховке после смерти матери. «Старая пьяная корова все-таки для чего-то пригодилась», – говорила она. Школа была из тех, против которых Луиза выступала всю свою размеченную красными флажка-

ми жизнь, – привилегии, круговорот правящей гегемонии, ля-ля-тополя. А сейчас сама на это подписалась, потому что, когда речь идет о плоти от плоти ее, мировая справедливость может идти лесом.

– А как же твои принципы? – спросили ее, и она ответила.

– Арчи – мои принципы.

Расчет оправдался. Прошло два года, Арчи сделал один сравнительно простой шаг от гота к гикку (к подлинному то есть, своему *me tier*⁴⁵) и теперь тусовался со своими гикнутыми *confrères*⁴⁶ в астрономическом клубе, шахматном клубе, компьютерном клубе и бог знает на каких еще нивах, Луизе глубоко чуждых. У нее-то была степень магистра по литературе; родись дочь, они бы замечательно чирикали о сестрах Бронте и Джордж Элиот. (А тем временем занимались бы чем? Пекли пироги и наводили друг на друга марафет? Очнись, Луиза.)

– Еще не поздно, – сказал Патрик.

– Что не поздно?

– Ребенка завести.

Брр – мороз по коже. В сердце кто-то распахнул дверь, и туда ворвался северный ветер. Патрик что, хочет ребенка? И не спросишь ведь – а вдруг ответит «да»? Он и тут ее обольстит, как обольстил замужеством? У нее уже есть ребенок – ребенок, объяввший ее сердце, и на сей дикий берег

---

⁴⁵ Зд.: призвание (*фр.*).

⁴⁶ Собратьями (*фр.*).

она больше ни ногой.

Она всю жизнь воевала.

– Пора остановиться, – сказал Патрик, массируя ей плечи после на редкость убийственного дня на работе. – Сложи оружие, капитулируй, прими все как есть.

– Тебе бы дзэну учить, – сказала она.

– Я и учу.

Она не рассчитывала дожить до сорока, а глянь-ка на нее – семья с двумя машинами, живет в дорогой квартире, носит камушек размером с Гибралтар. Кого ни спроси, сказали бы, что вот она, вожденная цель, или что жизнь налаживается, – но Луизе чудилось, будто она едет не туда и даже не заметила, где свернула. В особо острых припадках паранойи она подозревала, что Патрик ее загипнотизировал.

После переезда Луиза меняла страховку, и женщина в телефонной трубке задавала ей стандартные вопросы – когда построено здание, сколько комнат, есть ли сигнализация, – а потом спросила: «Вы храните дома драгоценности, меха или оружие?» – и на миг Луизу охватил восторг: надо же, бывает жизнь, в которой все это есть. (Первый шаг сделан – у нее есть бриллиант.) Она пошла не по той дорожке, упаковала свою жизнь аккуратненько и красивенько, а между тем настоящая Луиза мечтала жить вне закона, носить бриллианты и меха и размахивать дробовиком. Даже меха ее особо не смущали. Можно подстрелить зверя, освежевать, съесть – все лучше, чем бесчувственный путь от бойни к мягким

бледным пакетам в мясном отделе «Уэйтроуза».

– Нет, – очухавшись, сказала она женщине из страховой компании, – только обручальное кольцо.

Подержанная цацка за двадцать тысяч фунтов. Продай и беги, Луиза. Беги со всех ног. Джоанна Траппер бегала (и до сих пор?), в университете была чемпионкой по легкой атлетике. Однажды побегала, и это спасло ей жизнь – уж постаралась, вероятно, чтоб ее больше никто не поймал. Луиза прочла все, что висело на доске у Трапперов в кухне, – трофеи и сувениры повседневности, открытки, сертификаты, фотографии, записки. О событии, которое перепахало всю жизнь Джоанны Траппер, конечно, ни слова, обычно убийства не прикнопляют на кухонные пробковые доски. А вот Элисон Нидлер не бегала. Она пряталась.

Сына Луиза теперь почти не видела. Он предпочел жить в общежитии – лучше в школе, чем с матерью. По выходным звонил тем же парням, с которыми проводил всю неделю.

– Хватить психовать, – сказал Патрик. – Ему шестнадцать, он расправляет крылья.

Луизе на ум пришел Икар.

– И учится летать.

Луиза вспомнила мертвую птицу, что лежала под дверью в выходные. Дурной знак. Мальчишка пришел, увидел воробья, сказал: «Застрелю-ка воробышка я».

– Ему надо расти.

– Не понимаю зачем.

– Луиза, – мягко сказал Патрик, – Арчи счастлив.

– Счастлив?

Применительно к Арчи это слово не всплывало с тех пор, как он был совсем маленьким. Сколь удивительно, восхитительно свободным и счастливым был он тогда. Луиза думала, это счастье навечно, не знала, что счастье детства тает, потому что у нее-то счастья в детстве не случилось. Сообрази она, что Арчи не навсегда так солнечно невинен, – лелеяла бы каждое мгновение. А сейчас, если она захочет, все это можно повторить. Северный ветер взвыл. Она захлопнула дверь.

Она возвращалась после совещания с командой «Аметист» в Гайле. Так Луиза впервые столкнулась с Элисон Нидлер – за полгода до убийств, когда несколько месяцев стажировалась в «Аметисте», в отделе защиты семей. Дэвид Нидлер, вопреки судебному распоряжению, занял позицию на газоне перед домом в Тринити и пригрозил, что устроит самосожжение на глазах у детей и бывшей жены, которые наблюдали сверху из окна. Когда Луиза примчалась следом за полицейской машиной, Дебби, сестра Элисон, стояла на крыльце и издевалась над Дэвидом. («Деббс у нас на язык скоро», как выразилась Элисон. Что ж, Деббс за это поплатилась.) Ну, может, не издевалась – дразнила. («Давай, паршивец, посмотрим, как ты запыхаешься».)

Назавтра в суде Дэвиду Нидлеру вынесли предупреждение, велели соблюдать распоряжение, к семейству не при-

ближаться, и он так и делал, только спустя полгода вернулся с пистолетом.

Луиза въехала на стоянку в Хауденхолле. Отметиться в отделе, забрать свою машину, через пять минут опять в пути. Времени полно.

– Финальный отчет криминалистов, босс, – возвестил малолетний констебль Маркус Маклеллен, протягивая ей папку. – Как и предполагалось, пожар в зале автоматов – явно умышленное разжигание огня.

Двадцатилетний Маркус получил бакалавра по средствам массовой информации в Стерлинге (а кто нет?) и шевелюрой располагал такой, что, если б он ее отрастил, а не подстригал практично под каракулевую шапку, обзавидовалась бы Ширли Темпл. Он играл в регби, и однажды субботним утром Луиза чуть не околела на морозе, до хрипоты подбадривая Маркуса с трибуны (прекрасный, оказывается, метод спустить пар); ради худосочного неспортивного Арчи она на такие жертвы ни разу не пошла.

Маркуса перевели из полицейского участка, дело Нидлера было его крещение огнем, и он справился даже лучше, чем Луиза ожидала. Милый мальчик, просто ангелический, правильный, как римская дорога, круче, чем догадаешься по виду, и неизменно жизнерадостный. Как Патрик. Откуда она берется, эта жизнерадостность, – с молоком матери впитана? (Бедный, значит, Арчи.)

Она взяла Маркуса под крыло – насадка, одно слово. Материнских чувств к коллегам Луиза прежде не питала – душу баламутит будь здоров. Очевидно, возраст, решила она. Но *Маркус*? – странное латинизированное имя, не в Риме же родился – в Сайтхилле. («Увлеченная матушка, босс, – пояснил он. – Хорошо, что не Титус. И не Секстус».) В деле Нидлера Маркус явил редкую остроту ума, но Луиза его отстранила, дала другое задание. Сказала: «Чтобы ты набрался опыта», но на деле просто не хотела, чтоб он заиклился на Элисон Нидлер, как заиклилась она. И теперь Маркус трудился над залом игровых автоматов на Брэд-стрит – пару недель назад автоматы таинственно пожрало огнем.

– Страховка? – гадала Луиза. – Или злонамеренно? Или гопота со спичками баловалась?

«Умышленное разжигание огня» – причудливое шотландское обозначение поджога, и Луиза полагала, что главный подозреваемый – всегда владелец. Когда ты на мели, соблазн страховки манит неодолимо. Бриллиант за двадцать тысяч – а зал автоматов за сколько? Владелец зала – не кто иной, как Нил, муж прелестной Джоанны Траппер. («А чем занимается мистер Траппер?» – как бы между прочим спросила она вчера Джоанну Траппер. «Ой, всяким разным, – беспечно ответила та. – Нил вечно ищет новые возможности. Прирожденный предприниматель».) Поди догадайся, с какой стати прелестная доктор Траппер вышла замуж за человека, чьи деловые интересы устремлены к лобковому, как его называют,

треугольнику Брэд-стрит, где куда ни плюнь – стрип-клубы, кабаре и бары сомнительного свойства. Ей бы выйти за кого пореспектабельнее – скажем, за хирурга-ортопеда.

По словам жены, Нил Траппер работал в «индустрии развлечений», а это понятие трактуется очень широко. Мистера Траппера, судя по всему, развлекают два-три игровых зала, пара оздоровительных клубов (не сказать чтобы шикарных), стайка частных машин для аренды (видавшие виды четырехдверки, которые притворяются «авто для руководителей») и пара косметологических кабинетов – один в Лите, другой в Сайтхилле, оба опасны для здоровья; наверняка Джоанна Траппер их не посещала – они не тянут на спа-салон в «Шератоне».

– Поведай мне про нашего мистера Траппера.

– Ну, – сказал Маркус, – приехал в Эдинбург, начал с передвижной бургерной на площади Бристо – у него паслись студенты и те, кто из пабов выходит.

– Бургерная на колесах. Высокий класс.

– И однажды под утро она сгорела дотла. Внутри никого не было.

– Вот так совпадение.

– Потом завел бар, кафе, службу доставки питания – что под руку подвернется.

– Горело что-нибудь?

– Кафе горело. Проводка.

– А игровые автоматы?

– Внутри все залито бензином, – сказал Маркус. – Не с бухты-барахты подпалили. Черный ход взломан, сигнализация сработала, но, когда приехали пожарные, все уже пылало.

– Поговаривают что-нибудь про мистера Траппера?

– Поговаривают, что чист. Негодяйчик, но как ни посмотри – нормальный бизнесмен.

– Только знакомые у него нечистоплотные?

Луиза уже видела фотографии, присланные отделом по мошенничеству, – прекрасные четкие снимки Траппера, который неделями вкушал разнообразные напитки с неким Майклом Андерсоном из Глазго и толпой его прихлебателей.

– Свита, – пояснил Маркус. – Вы посмотрите на эти лица. Только мамочке милы.

Андерсона подозревали в распространении наркотиков в Глазго, но в своем роскошном пентхаусе он обосновался на столь недостижимой вершине пищевой цепи, что полиция Стрэтклайда никак не могла его прищучить.

– Хорошие адвокаты, – сказал Маркус.

– Или плохие. Как посмотреть.

Сотрудники Мошенничества считали, что Андерсон исчерпал возможности отмывать деньги в Глазго и примеривался к Эдинбургу, хотел попользоваться Нилом Траппером и его «всяким разным», как выражалась его прелестная жена. Доктору Траппер слово «жена» шло несравнимо больше, чем Луизе.

– Как вы познакомились? – спросила вчера Луиза, делая вид, будто она из тех дамочек, кого хлебом не корми – дай послушать романтическую историйку, кто подпевает «Воскресным песням о любви» Стива Райта⁴⁷, стряпая мужу завтрак в постель, – короче, вовсе не здравомыслящая корова, которая, вероятно, вот-вот пошлет рапорт о твоём муженьке прокурору.

Джоанна Траппер рассмеялась:

– Я его лечила в травмопункте, он пригласил меня на ужин.

– И вы *пошли*? – Совсем скрыть недоумение Луизе не удалось.

– Нет, это весьма неэтично. – Джоанна Траппер снова рассмеялась, словно воспоминание это – начало давно лелеемой забавной истории («Как я встретила вашего отца»). – Он настаивал, в конце концов я сломалась.

Я тоже, подумала Луиза, но сказала другое:

– Мои родители познакомились в отпуске. – И Джоанна Траппер ответила:

– О-о, курортный роман!

И Луиза не прибавила, что отец снял её мать в баре на Гран-Канарии, а мать напрочь забыла его имя, что, в общем-то, не важно, поскольку он был не единственным со-

---

⁴⁷ Стивен Ричард Райт (р. 1954) – британский радиоведущий; в описываемое время по воскресеньям с 9.00 до 11.00 на «Би-би-си Радио 2» вел программу «Воскресные песни о любви», состоящую из собственно песен, приветов от радиослушателей возлюбленным и подлинных романтических историй.

искателем на популярную роль решительно отсутствующего Луизиного папаши.

– А почему мистер Траппер оказался в травмопункте?

– Какие-то хулиганы избили.

То и дело попадает в переделки, водит дурную компанию – с первой же минуты все признаки налицо. Какого же лешего прелестная доктор пошла с ним на свидание?

– Мне понравилось, какой он энергичный, – сказала та, хотя Луиза не спрашивала.

Собаки тоже энергичные, подумала Луиза и улыбнулась:

– Да, моя мать про отца тоже так говорила.

Она не рассказала о пожаре в зале игровых автоматов – как-то невежливо, и без того дурные вести принесла.

– Зовите меня Джо, – сказала доктор Траппер.

– Ничего определенного с ребятами из Глазго Траппера не связывает, – сказала Луиза Маркусу. – Может, Андерсон с Траппером во втором классе были неразлейвода.

– Ну, поговаривают еще, что Траппер вот-вот потонет, – сказал Маркус. – Уже некоторое время ходят слухи. Закорешиться с Андерсоном – неплохой способ остаться на плаву, но страховка от пожаров – способ не хуже.

– Я с ним поговорю, – сказала Луиза и взяла папку.

– Босс?

– А? Нечего мне, я слишком важно лице? Он живет за углом. Зайду с утра по дороге на работу. – Она не сказала:

Я читаю собрание сочинений его тестя. И уж точно не сказала: Меня заморозила Джоанна Траппер, она – мой аверс, та, кем я так и не стала, – умеет выжить, хорошая жена, хорошая мать. – Давай напишем прокурору, пусть даст ордер на бумаги Траппера.

– Ладно, босс. – Расстроился: дело из-под носа выхватили.

– Я только поговорю, – утешила Луиза. – И забирай его назад. Просто у меня слегка налажен контакт, я вчера ходила к его жене.

– К его жене?

– Джоанне.

Детектив-сержант Карен Уорнер вошла в открытую дверь и обрушила Луизе на стол груды папок.

– По-моему, твое, – сказала она, присев на край стола.

Ходячая картотека, на девятом месяце, первый ребенок, а все вкалывает. («Без борьбы не сдамся, босс».) Старше Луизы («„Возрастные первородящие“ – ну ты подумай, какая мерзость, а?»). Материнство ее огорошит, подумала Луиза. Карен влетит в стену лбом на шестидесяти милях в час и не сообразит, что произошло.

Карен еще работала в команде по делу Нидлера – за напряженные полгода команду ополовинили, перевели обратно из Сент-Леонарда в Хауденхолл и переселили в штаб расследований, где места меньше. Суперинтендант посоветовал Луизе «сменить пластинку», отставить дело Нидлера в сторону, брать уже другие дела.

– Ты зациклилась на Элисон Нидлер, – сказал он.

– Ну да, – бодро согласилась она, – зациклилась. Это моя работа – циклиться.

Карен развернула «сникерс», откусила, похлопала по животу.

– Лицензия на обжорство, – сказала она Луизе. – Хочешь?

– Нет, спасибо.

Есть охота, но в рот ничего не лезет. Кажется, брак подорвал прекрасный Луизин аппетит. Патрик здоровел день ото дня, а она усыхала. В юности у нее случился краткий роман с булимией – между вырезанием по себе ножиком и ранним припадком пьянства (бакарди с кока-колой – как вспомнишь, блевать тянет), но все это так или иначе смахивало на зависимость, поэтому она бросила. В семью влезает только один наркоман, а мать не желала уступать свое место.

Карен глянула в рапорт у Луизы на столе:

– Та же Траппер? Нил Траппер – муж Джоанны Траппер? Ничего себе. Ну и совпаденщице.

– Я должен знать, кто такая Джоанна Траппер? – спросил Маркус Луизу.

– Та, что спаслась, – ответила Карен. – Габриэлла Мейсон, трое детей? Тридцать лет назад?

Маркус покачал головой.

– Обрыдаться. Какой ты еще зеленый, – сказала Карен. – Мужик в Девоне убил в поле мать и двоих детей, Джоанна убежала, спряталась, потом ее нашли – ни царапины. Джо-

анна Траппер, в девичестве Мейсон.

– За убийство приговорили некоего Эндрю Декера, – сказала Луиза. – Признали вменяемым. Если пырять ножом мать и двоих детей – это вменяемость, кто же тогда невменяем? Вот и думай, а? А теперь он выходит – уже, собственно, вышел, – и кто-то где-то распустил язык. Журналисты будут вопить – часа, я не знаю, два, а то и дольше. Кормить ненасытную утробу прессы. Я вчера зашла к Джоанне Траппер, предупредить.

Карен смяла обертку от «сникерса», швырнула в корзину.

– И она все еще жертва, босс?

– Хороший вопрос, – сказала Луиза.

К «Максвеллу» опоздала, но можно купить цветы в «Уэйтроузе». Время есть. Совсем капелька. Луиза села в машину, серебристую «БМВ» 3-й серии – гораздо стильнее, чем Патриков суперпрактичный «форд-фокус». Прямой как палка, и машина у него такая же.

И тут зазвонил телефон. Может, не отвечать? Инстинкт, полицейское шестое чувство подсказывало – орало прямо в ухо: ответишь – не будет никакого морского судака, и дважды запеченное суфле тебе тоже не светит.

Она ответила после третьего звонка:

– Алло?

Убежище

Сейди наострила уши: Реджи еще когда различит машину доктора Траппер, а Сейди уже слышала. Собачий восторг читался лишь в мелкой дрожи хвоста, но если погладить – почувствуешь, как все собачье тело наэлектризовано предвкушением. И деткино тоже. Едва он видел, как доктор Траппер входит в кухню, восторг сотрясал его плотное тельце, – детка готовился взмыть в воздух и тянул толстые ручки к матери.

– Тпру, ковбой, полегче, – засмеялась доктор Траппер, ловя его и крепко обнимая.

Вместе с нею в дом ворвалось ледяное облако. В руках у доктора Траппер, как обычно, дорогая сумка «Малбери» («„Бейсуотер“ – красота, правда, Реджи?»), которую мистер Траппер подарил ей в сентябре на день рождения, а на локте висит черный костюм в пакете – у нее три одинаковых костюма в ротации, один на ней, второй в гардеробе, третий в химчистке.

– *Quelle horreur*, – сказала она, театрально содрогаясь. – И впрямь суровой зимою под ветром студеным⁴⁸. Я там оченела.

---

⁴⁸ «Суровой зимою» (*In the Bleak Midwinter*, 1872) – рождественский гимн англо-германского композитора Густава Теодора Хольста на стихи английской поэтессы Кристины Россетти (1830–1894).

– Дубак, – согласилась Реджи.

– Вот ветер подул, зимою дохнул, куда же воробышку деться?

– Насколько я знаю, доктор Т., в амбаре ячмень, и хоть целый день воробышек может там греться⁴⁹.

– У вас тут все нормально, Реджи?

– Ну знамо дело, доктор Т.

– А как мое сокровище? – спросила доктор Траппер, ты-чась носом детке в шею («Мне кажется, он съедобный»), и сердце у Реджи сжалось, его свело крошечной болью – Реджи не поняла, с чего бы, вот только это так грустно (ужас как грустно), что никто не помнит, как был совсем маленьким. Реджи все на свете отдала бы, чтобы снова стать маленькой, чтобы ее обняла мамуля. Ну или доктор Траппер. Да кто угодно. Явно не Билли.

– Так грустно, что он этого не запомнит, – сказала она. (Может, грусть у доктора Траппер заразная?)

– Иногда забывать неплохо, – ответила та. – Вчера в половине шестого я встретил двух свинок без шляп и ботинок, даю вам честное слово⁵⁰.

Мамуля обнимала и целовала Реджи то и дело. Еще до Гэри и до Мужчины-Который-Был-До-Гэри они в обнимку сидели вечерами на диване, ели чипсы или еду навынос. Реджи любила обхватить мамулю за талию – чувствовать удобный

---

⁴⁹ Пер. И. Родина.

⁵⁰ Пер. С. Маршака.

жировой валик и мягкий живот. («Мой живот – бегемот», – говорила мамуля.) И всё; нежнейшие воспоминания Реджи – о том, как она смотрит «Скорую помощь», ест куриный чоу мейн и чувствует под рукой мамулино запасное колесо. Ерунда какая-то, если вдуматься. Казалось бы, две жизни сплелись – надеешься, что выйдет нечто большее. Вот доктор Траппер с сыном накопят удивительные воспоминания – будут спускаться на каноэ по Амазонке, карабкаться на Альпы, слушать оперу в Ковент-Гардене, смотреть Шекспира в Стратфорде, весной уезжать в Париж, а на Новый год – в Вену, и от доктора Траппер не останется лишь альбома с фотографиями, на которых она сама на себя не похожа. Странно представлять, как детка вырастает в мальчика, а потом в мужчину. Он же просто детка.

– Мой личный маленький принц, – проворковала ему доктор Траппер.

– Все мы короли да королевы, доктор Т., – сказала Реджи.

– А Нил уже пришел?

– Мистер Траппер? Нет.

– Он сидит с ребенком. Надеюсь, не забыл. Я иду в «Дженнерс» с Шейлой, у них сегодня рождественская распродажа. Бесплатный бокал вина, пирожки, гимны – такого рода. Может, ты со мной? Ой, я забыла – сегодня же среда? Тебе надо к подруге.

– Мисс Макдональд мне не то чтобы подруга, – ответила

Реджи. – Боже сохрани.

Доктор Траппер с деткой на руках всегда провожала Реджи до крыльца и смотрела, как та идет по дорожке. Доктор Траппер учила ребенка махать на прощание, шевелила его рукой туда-сюда, как будто он чревоушательская кукла, и твердила (скорее детке, чем Реджи): «Пока, Реджи, пока». Сейди сидела рядом и выстукивала свое прощание хвостом по плиткам.

После мамулиной смерти Реджи все пыталась вспомнить последние минуты. Вдвоем (таксист не помогал) они с мамулей взгромоздили в машину огромный уродливый чемодан – чемодан, набитый дешевыми топами «все напоказ», тонкими летними брюками, и еще там был купальник из кошмарной оранжевой лайкры, такой откровенный, что аж неловко, и он стал, как выяснилось, последним ее одеянием, если не считать савана, в котором ее похоронили (поскольку в мамулином гардеробе не нашлось ничего достойного вечности).

Реджи не помнила, какое у мамы было лицо, когда та уезжала на каникулы, – скорее всего, полное надежд. И последних мамулиных слов она тоже не помнила, хотя наверняка среди них было «до свидания». «Скоро вернусь» – обычно мамуля прощалась так. *Je reviens*. Первая половина так и недоговоренной фразы. Реджи надеялась, что потом будет все то же самое, только наоборот, *vale atque ave*: мамуля в аэропорту, мамуля в самолете, мамуля приземляется в Эдин-

бурге, садится в такси, подъезжает, выходит из такси, подзагорелая и слегка, наверное, пополневшая, и говорит: «Привет». Но ничего этого не случилось, «скоро вернусь» – неисполненное обещание. Ее последние слова – ложь.

Реджи помнила, как такси отъезжало, а она махала вслед, но обернулась ли мамуля, помахала – или все возилась с чемоданом? Воспоминание было тусклое, наполовину выдуманное, чего не хватало – сочинила. Когда с тобой прощаются, будь внимательна, запоминай – а вдруг это в последний раз? Все первое приятно, чего не скажешь о последнем.

Доктор Траппер стояла на крыльце, как на портрете в раме, детка хватал ее за волосы, Сейди с обожанием взирала снизу вверх. Под костюмом у доктора Траппер – белая футболка. Как всегда, черные лодочки на низком каблуке, совсем прозрачные колготки, на шее тонкая нитка жемчуга, такие же жемчужинки в ушах. И детка – его Реджи тоже видела, детку в матроске, сунул палец в рот, сжимает обрывок зеленого одеяла и той же рукой цепляется за волосы доктора Траппер, как пассажир метро за ремень в вагоне.

А потом доктор Траппер отвернулась и ушла в дом.

Реджи стояла на автобусной остановке, читала «Большие надежды», и тут чья-то рука сжала ей шею сзади, и не успела Реджи рот открыть, как что-то жестко ткнулось ей в поясницу, а в ухо угрожающе прошептали:

– Ни звука, я вооружен.

– Ага, ну знамо дело, – прошептала Реджи. Пощупала сзади, нашла «оружие». – Мятные пастилки? – саркастически переспросила она. – Ой-ой-ой, умру от страха.

– Суперсильный вкус, – улыбнулся, точнее говоря, ухмыльнулся Билли.

– Ха-ха, блядь.

В доме доктора Траппер Реджи никогда не ругалась. И она, и доктор Траппер (которая утверждала, что «в молодости ругалась как сапожник», во что Реджи слабо верилось) использовали безвредные эвфемизмы, поминали всякую чепуху, что попадалась на глаза, – сахар, шипучку, ракушки, чашки с блюдами, но встреча с братом требовала выражений посильнее, чем «блямс и помоги мне Боб». Реджи вздохнула. Если б мамуля сказала Реджи последние слова, они как пить дать были бы таковы: «Присматривай за братом». Реджи помнила, как они были детьми, как Билли был ее героем и защитником, как она брала с него пример, как он присматривал за *ней*. Она не предаст эти воспоминания о Билли, пусть сам Билли и предаст их каждый божий день.

Ему девятнадцать, старше Реджи на три года, и хотя, вообще-то, он не помнил отца, у него по крайней мере были фотографии, на которых они с отцом вдвоем, – доказательство того, что когда-то они существовали на планете одновременно. Обычно на этих снимках Билли держит какое-нибудь оружие из своего игрушечного арсенала – пластмассовый меч, бластер, лук со стрелами. Когда повзрослел, сменил

реквизит на воздушшки и карманные ножи. Бог весть, чем он вооружен теперь. Вероятно, ракетными установками.

Видимо, Билли унаследовал любовь к оружию от отца. У мамыли были выцветшие фотографии – муж-солдат с однополчанами в пустыне, и у всех большие винтовки. Как-то отец в увольнительную контрабандой притащил домой «сувенир» – тяжелый и уродливый русский пистолет, который мамыля хранила в коробке на верхней полке чулана, веря, как это ни абсурдно, что Билли не узнает. Не могла придумать, как избавиться от пистолета: «Не с мусором же выносить – вдруг детё найдет». И в полицию не отнесешь – мамыля была очень законопослушная, но к полиции питала неприязнь, и не только потому, что полицейские вечно скреблись в дверь из-за Билли, – мамыля же из Блэргаури, деревенская девчонка, а отец ее, судя по всему, помаленьку браконьерил.

Билли и пистолет покинули дом в один день, и это было не совпадение.

– «Макаров», – гордо пояснил Билли, взмахнув пистолетом и напугав Реджи до полусмерти. – Только мамыле не говори.

– Господи, Билли, не на Диком Западе ведь живем, – сказала Реджи, и он ответил:

– А где же?

Поди пойми, отчего он просто-напросто в армию не пошел – мацал бы там оружие сколько душе угодно. Деньги не

даром, и пушки за так⁵¹.

Билли слишком близко к дому доктора Траппер – это нехорошо. Пару раз он заявлялся к мисс Макдональд в Мас-селборо, предлагал подвезти Реджи домой. (Как Билли ни встретишь, у него всякий раз тачка. И всякий раз другая.) Мисс Макдональд приглашала его в дом – но это она просто хотела проповедь ему прочесть и чтобы он починил засорившееся колено под раковиной. Вот уж кого без толку просить чинить что бы то ни было; необходимая амуниция (новое слово) – молотки, резак, дрели – ему бы понравилась, но в плохом смысле. Удивительно, потому что в другой жизни, пойдя он по другой дорожке, стал бы мастером на все руки. В детстве, когда Билли еще не сошел с пути истинного, руки у него были золотые – мог часами педантично клеить самолетики из конструктора, а учитель столярного дела говорил, что из Билли, если тот захочет, выйдет замечательный плотник. Это он говорил до того, как Билли просверлил дырки во всех верстаках и распилил надвое учительский стол.

Вернуть же Билли на путь истинный нынче под силу только чудотворцу. Реджи стеснялась, когда брат расхаживал по захламленному дому мисс Макдональд и водил пальцами по пыльным книгам – можно подумать, понимает толк в чистоте, хотя вот уж кто не понимает, так это Билли. Реджи не по-

---

⁵¹ Парафраз песни английской рок-группы *Dire Straits* (1977–1995) «Деньги задаром» (*Money for Nothing*) с альбома «Братья по оружию» (*Brothers in Arms*, 1985): «Деньги задаром, и девки за так».

наверилось, как лукаво он озирался. Плавали – знаем: в детстве Билли с таким лицом планировал очередное озорство; теперь он вырос, и эта гримаса означала, что быть беде.

А вдруг в один прекрасный день Билли заявится к доктору Траппер, предложит подвезти Реджи, а той придется знакомить его с доктором Т.? Она прямо видела, как просияют его мелкие хоречьи черты при виде роскоши дома Трапперов. А то и хуже: как он просияет при виде доктора Траппер. Реджи решила, что отречется от него. (*Он мне не брат. Я вообще не знаю, кто это.*) «Плоть и кровь», – раздался в голове мамулин голос. Да только эта плоть уже сгнила.

– Ты что тут делаешь, Билли?

– Так, всякое разное, – пожал плечами он. (Вот вам Билли: всякое разное, ничего особенного.) – В свободной стране живем. Я вроде проверял – на юго-запад Эдинбурга пока пускают без паспорта.

– Я тебе не верю, Билли.

– Да как угодно.

– *Quidquid*⁵². – (Ха.)

– Чего?

Когда подъехал автобус, Билли нарочито помог ей войти, точно лакей, что помогает принцессе взойти в экипаж, приподнял воображаемую шляпу, сказал:

– Пока-пока, увидимся, погодь чутка, – и зашагал по улице.

---

⁵² Как угодно (лат.).

Слышишь? Во мраке лают собаки, нищие в город вошли⁵³.

---

⁵³ Народное английское детское стихотворение; по некоторым версиям, датируется XIII в., а «нищие», вошедшие в город, — это, по разным мнениям, менестрели; странники во времена эпидемий, потенциально заразные, а потому опасные; монахи, нищенствовавшие после секуляризации монастырей Генрихом VIII в XVI в.; или же Вильгельм III Оранский и его голландские войска в период Славной революции в конце XVII в.

На Ужасный мост взойдешь⁵⁴

В конце концов Джексон втиснулся в припозднившийся и под завязку набитый скотовоз, который прикидывался пассажирским поездом и от переутомления жужжал и гудел. В вагоне-ресторане не было горячей воды, отопления тоже не случилось, и у некоторых пассажиров был такой вид, словно они вот-вот помрут от переохлаждения. Проходы забаррикадированы сумками и чемоданами – шагая по вагонам, изображаешь барьерный бег в замедленной съемке. Полоса препятствий, впрочем, не воспрепятствовала нескольким детишкам, одичавшим от избытка сахара и скуки, с воплями носиться по проходу. Этот поезд будто возвращался с войны, и отнюдь не победоносной. Была даже парочка измученных рядовых в пустынном камуфляже – сидели в тамбуре на рюкзаках. Один в один Джексон из другой жизни.

Демобилизовавшись, Джексон поклялся, что, в отличие от многих до него, в службу безопасности не пойдет. Половина рядовых, служивших в его подчинении, очутились на нижней ступени бизнеса – в черных плащах дрожали под дверьми пабов и клубов. А Джексон пошел в полицию Кембриджшира, в военной полиции он был уоррант-офицером первого класса, – казалось, это естественный шаг. Уволившись из полиции, он поклялся, что, в отличие от многих

---

⁵⁴ Цитата из «Погребальной песни».

до него, в службу безопасности не пойдет: половина охранников «Маркса и Спенсера» и штатных детективов «Теско» – бывшие полицейские, с которыми он служил. Он ушел в должности детектив-инспектора, вроде неплохое начало для частного агентства на одного, и когда бросил агентство, клясться не пришлось – спасибо дряхлой клиентке, которая оставила ему наследство.

А теперь, как это ни смешно, если спрашивали, чем он занимается, Джексон отвечал: «Безопасность» – эдак таинственно, мол, больше вопросов не задавайте, он научился этому тону в армии, а в полиции его отточил. По обширному опыту Джексона, «безопасность» подразумевает великое множество грехов, однако на деле все просто – в бумажнике карточка, на карточке написано: «Джексон Броуди – консультант по безопасности» (а уж сколько грехов подразумевает «консультант» – бог весть). Деньги Джексону не нужны – а вот без самоуважения никак. Не пристало мужчине бездельничать. Работа на Берни – не правое дело (в сердце своем Джексон был не паломником, но крестоносцем), однако все лучше, чем целыми днями плевать в потолок.

И к тому же легче сказать, что занимаешься безопасностью, чем «я живу на деньги одной старухи», потому что денег, которые оставила клиентка по завещанию, он, конечно, вовсе не заслужил и они давили на него, будто он таскал их в мешке на спине. Он словно посадил денежное дерево – большую часть двух миллионов вложил, и его доходы

неуклонно росли. (Правду, значит, говорят: деньги делают деньги.)

Кроме того, он более или менее умудрялся ходить по светлой стороне улицы. В мире и без его финансовой поддержки горя немало, решил Джексон, однако у него развелось столько акций производителей нетрадиционных видов энергии, что, когда нефть пересохнет, он сделает деньги на конце известного нам света.

– Ты прямо как Мидас, – сказала Джулия. – Чего ни коснешься, все обращается в золото.

В прошлой жизни, когда неудача верным псом таскалась за ним по пятам, а все, чего он касался, обращалось в дерьмо, он едва наскребал на квартплату, а капиталы время от времени вкладывал только в покупку лотерейных билетов. Вложись он в акции (само по себе смешно), мировой рынок завтра бы рухнул – к гадалке не ходи. А теперь столько всего, что никак не раздаришь. Ладно, это неправда, но он пока не готов удариться в дзэн и отринуть все блага земные. («Тогда кончай ныть», – сказала его бывшая жена.)

Джексон отыскал неудобное сиденье за столиком на четверых в хвосте вагона. Рядом у окна сидел человек в поношенном костюме и пристально вглядывался в ноутбук. Джексон думал, на экране таблицы и цифры, – оказалось, потоки слов. Джексон отвернулся: цифры безличны, на них можно смотреть, но чужие слова – это слишком интимно.

Галстук распушен; от соседа несло пивом и потом, – видимо, давно не был дома. Напротив сидели две женщины – старуха, экипированная романом Кэтрин Куксон⁵⁵, и блондинка лет сорока, здоровая, как нафаршированная под завязку индюшка, – эта равнодушно листала журнал про знаменитостей. Призывно-алая помада и алый топ, который был на полразмера ей мал, маячили пред Джексонем сигнальными огнями. Поразительно, что у нее на лбу не вытатуировано «Всегда готова». Старуха от холода посинела – ее не спасали шляпа, перчатки, шарф и толстое зимнее пальто. Джексон порадовался, что у него есть маскировочная «Норт фэйс», затем устыдился и предложил куртку старухе. Та улыбнулась и покачала головой, словно ее давным-давно предостерегли от разговоров с незнакомцами в поездах.

Сосед в костюме закашлялся – нездоровый, мокрый кашель; может, и ему куртку предложить? Незнакомцы в поезде. Если вдруг что случится – помогут они друг другу? (Никогда не переоценивай людей.) Или каждый за себя? Так и выживаешь в самолетах и поездах, плюешь на всех и всё, выкарабкиваешься во что бы то ни стало, руку отгрызаешь – можно и чужую, если надо, – лезешь по спинкам кресел, по головам, забываешь все, чему тебя мама учила, потому что кто доберется до выхода, тот и выживет. В буквальном

---

⁵⁵ Кэтрин Куксон (1906–1998) – английская писательница, автор более сотни романов, главным образом о трудных судьбах людей, волей обстоятельств оказавшихся на нижних ступенях общества.

смысле.

На месте серьезной железнодорожной катастрофы – как на поле битвы. Джексон знал, побывал однажды, когда только пришел в гражданскую полицию, и ничего страшнее он даже в армии не видал. Под обломками застрял маленький ребенок, он звал маму, а им до него никак было не добраться – его погребли тонны металла.

Через некоторое время крики смолкли, но во сне Джексон слышал их еще долгие месяцы. Ребенка – мальчика – в конце концов спасли, но почему-то это не смягчало ужаса воспоминаний о его рыданиях (*мама, мама*). Само собой, незадолго до того Джексон стал отцом Марли, и это событие разодрало его в клочья, разворотило его и перевернуло с ног на голову все дородовые увлечения, которые главным образом вращались вокруг выбора детской коляски – с типично мужским вниманием к деталям, какое он уделял бы при покупке машины. (Есть ли стопоры на передних колесах? Регулируется ли высота ручек? Можно ли менять наклон сиденья?) Механика отцовства оказалась бесконечно примитивнее. Он пощупал пакетик в кармане. Другая беременность, другой ребенок. Его ребенок. Он коснулся головы Натана – и оно обрушилось. Любовь. Любовь не сладка, не легка, она нутряная, всепобеждающая. Любовь не долготерпит, не милосердствует⁵⁶. Она свирепа и умеет играть не по правилам. Он не видел Джулию на поздних сроках. Маленькая, сек-

---

⁵⁶ Парафраз 1 Кор. 13: 4.

сапильная – наверняка в беременность она расцвела зрелой чувственностью, хотя говорила, что у нее геморрой, варикоз и она «почти шарообразна». Они поддерживали слабую связь: он звонил, она рекомендовала ему отвалить, но порой они болтали, как будто и не разбегались. И все равно она твердила, что ребенок не его.

Потом он навестил ее в больнице. Вошел в шестиместную послеродовую палату и получил хук прямо в сердце, когда увидел, как она лежит с ребенком на руках. Она опиралась на подушки, дикая шевелюра разметалась по плечам, как ни посмотри – вылитая мадонна, и видение портил только затесавшийся чужак, фотограф мистер Футы-Нуты, который лежал рядом и с обожанием созерцал младенца.

– Ну ты глянь – несвятое семейство, – сказал Джексон (не удержался – и вот так всю жизнь, непременно наговоришь женщинам лишнего).

– Уходи, Джексон, – кротко сказала Джулия. – Это ты плохо придумал, сам ведь понимаешь.

Мистер Футы-Нуты оказался несколько предусмотрительнее:

– Вон отсюда, а то получишь.

– Маловероятно, слюняй, – ответил Джексон (не удержался). Неспортивный уроженец теплицы – Джексону приятно было думать, что он завалил бы парнягу одним ударом.

– Главное достоинство храбрости – благоразумие⁵⁷, Джек-

---

⁵⁷ Джулия цитирует слова Фальстафа из драмы Уильяма Шекспира «Генрих

сон, – сказала Джулия, и теперь ее тон отдавал предостережением.

Ну само собой – в такой ситуации Джулия будет *цитировать*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.